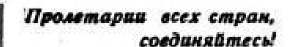

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Доярки из Подборного: Лида Любимова, Полина Хромова, Шура Чехонадских, Галя Афанасьева.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 10 (2019)

6 МАРТА 1966

Солнце на весну

Значительно увеличить объем производства сельскохозяйственной продукции.

Усилить материально-техническую оснащенность сельского хозяйства, повысить материальную заинтересованность работников колхозов и совхозов в росте производства, последовательно осуществлять интенсификацию сельскохозяйственного производства и повышать его эффективность.

Из проекта Директив XXIII съезда КПСС.

Николай БЫКОВ

Фото А. Бочинина.

Трудная должность на земле — быть председателем колхоза. Многие брались, да не многие подняли такую ношу. До Георгия Ивановича в «России» председательствовал хороший человек, грамотный и, можно сказать, отчаянный: будучи секретарем райкома, он попросил направить его в колхоз. Около года бился, старался понять что к чему. И слег — духом ослаб... «Не выдюжил...» — жалели мужики. Через несколько дней избрали Георгия Ивановича. В «России» Сонина хорошо знали. Сосед, восемь лет возглавлял колхоз имени Кирова в Каменке — это рядом, два километра по большой дороге в сторону райгородка Козельска.

Нельзя сказать обычное, что Георгий Иванович с легкой душой перешел в «Россию». Кто-кто, а он-то понимал: согласиться — значит начинать все сначала. Как в 1953 году. Но в обкоме обещали: «Поможем!» И так ласково подошли, вроде бы даже и не понуждали, а просили: «Надо...» Согласился. В Каменке провожали Георгия Ивановича и Галину Ивановну всем селом. Из дальних бригад тоже приехали люди. Хорошо, душевно провожали, высыпали все на асфальт, а Галина Ивановна горько заплакала и сказала: «За восемь лет только на два километра к Калуге приблизились... Сколько же времени надо, чтобы совсем-то вернуться!..»

Георгий Иванович очень понимал жену. Когда-то, до сентября пятьдесят третьего, он работал в областных учреждениях, а под старость вот с кучей детей вернулся к земле отцов. И не вина Сонина, если пришлось ему, когда со временем дело в колхозе имени Кирова шло как по маслу, снова поднимать семью, перебираться в соседнее Подборное. «Ничего, Галя.:. Что же поделаешь, коли не заладилось у соседей? Вот поможем людям, и тогда на покой... Надо, Галя...»

С того дня уже прошло пять лет, Георгию Ивановичу теперь шестьдесят два с хвостиком, а до Калуги по-прежнему остается больше полста километров. Оно, если подумать, и немного: час езды по асфальту.

Было, что работал Георгий Иванович и в областной конторе сельхозбанка. Так что ему не учиться считать копейку. И что такое кредит, он тоже знал отлично. А по-

хватка — это у него от дедов. Как в колхозе «Россия» сдвинули лежачий камень, коротко не расскажешь. Но сдвинули. Стали люди и в Подборном, и в Калинине, и в других деревнях колхоза получать доходы и от своей артели, повернулись к ней лицом. Нынче они производят продукции вдвое больше, чем года четыре назад.

— Вот вам и март! — говорит Георгий Иванович. Он имеет в виду решение мартовского (1965 год) Пленума ЦК КПСС.

Всего лишь года полтора назад слова «прибыль», «коммерция», «рынок» применительно к сельхозартели вычеркивались как крамольные, «несоциалистические». Нужда заставила теоретиков серьезнее относиться к объективным законам экономики. Теперь горько тем, у кого притупилось за годы волевого руководства сельским хозяйством чувство рубля, хозяйственного расчета, у кого нынче в артельном кармане ни копейки прибыли.

Обо всех этих проблемах Сонин говорит убежденно, как о давно продуманном. Не случайно этот человек, настоящий хозяин, вошел в состав высокой комиссии ЦК КПСС по выработке нового примерного Устава сельхозартели. Георгий Иванович понимает, что это лишь начало разумного хозяйствования, что в новом Уставе должны найти отражение восстановленные теперь нормальные отношения государства с колхозом. Ведь это лишь благодаря им колхоз, когда-то вконец закредитованный, ныне освобожден от долговых пут, закончил год с прибылью да еще на банковском счету имеет более ста тысяч рублей.

— Вы понимаете, что это значит? — спрашивает Георгий Иванович и явно сомневается, понимаю ли. — Да ведь руки у нас теперь развязаны. К людям возвращается вера в принципы артельного хозяйствования!

...В просторной горнице зелено от цветов. На стене, на серванте красивые и громкие часы. Галина Ивановна смотрела телевизор, время от времени с юмором, метко комментировала события, происходящие на экране. Георгий Иванович просматривал годовой отчет правления, готовился к общеколхозному собранию.

— Галя, у нас когда зима с весной повстречаются?

— Сретенье? Говорят, уже минуло...

— Солнце на лето, зима на мороз! Солнце на лето...

Тихо-тихо в доме. Только часы стучали. И страшно мне от этой тишины, от этих шагов времени. Был дом, и была налаженная городская жизнь. Потом все рухнуло. Двое старших ушли на фронт и не вернулись. Двое других погибли с дедом и бабушкой от немецкой бомбы. А тут еще Георгий Иванович поехал в деревню, и начали они с малыми ребятками вторую, не менее трудную жизнь. А сейчас оставшиеся дети разъехались: кто в армии, кто учится.

вем? — оторвался вдруг от цифири Георгий Иванович.

— Не мешай!.. Сорок шесть уже...

— Золотая скоро!

— Не доживем...

— Что ты, что ты, Галя! Теперь да не жить! Много ли нам надо? Ты посмотри, как дела у нас идут, как все в деревне обернулось, а то ли еще будет! Солнце на лето... — И, оборотившись ко мне, вполголоса: — Первый мой друг, я за полвека-то без нее лишь пять месяцев жил, когда в первый раз в Каменку, в колхоз переезжали, а то всегда вместе... Вот вам цифры, гляньте. Да вы любите ли цифры-то? — снова засомневался Георгий Иванович.

Заговорили о механизации. «Я верю в машины», — не раз повторял Георгий Иванович. И он убедительно показал, что два рычага у землепашцев Средней России — машины и удобрения. Вот на что денег нельзя жалеть.

— Каждый гектар конопли дает тысячу и больше рублей. Новыми, новыми, в том-то и дело! В Каменке мы очень много с коноплей брали. Но здесь, в Подборном, колхоз до того обезлюдел, что пойти на ручной труд — недоступная роскошь. Пришлось искать другой выход. Что лучше всего механизировано даже в отстающем хозяйстве? Ясно, производство зерна. И мы сделали ставку на хлеб, исконную гордость русского земледелия. Год за годом наращивали урожаи и нынче вот получили на круг по сто пудов!

Мало кто знает, что до мартовского Пленума ЦК КПСС многие отрасли в нашем сельском хозяйстве были объективно убыточными. Покрывались убытки обычно из кармана тех же колхозников. В «России» нынче в день зарабатывают в среднем уже больше двух рублей с полтиной! С мая 1965 года цены на сельскохозяйственную продукцию значительно повысили. А главное, хлеб теперь не выметают осенью из амбаров в счет повышенных обязательств. Излишки его покупают по цене, в полтора раза превышающей цену планового зерна. Так, колхоз «Россия» продал в минувшем году четыре плана зерна — никто на это не в обиде. Ведь колхоз намолотил четыре с половиной тысячи тонн хлеба, да и цена ему была подходящая. Кое-что продали нуждающимся соседям и себе, разумеется, оставили: семена, фураж, переходящий запас и несколько десятков тонн первоклассной пшеницы для продажи.

А раз есть зерно, значит, будет мясо. Купить у государства килограмм комбикорма — значит отдать гривенник, а свой фураж вдвое дешевле. Убедительно? Дешевле корма — дешевле мясо. Килограмм свинины колхозу обошелся в 68 копеек, а государство платит за него в два с половиной раза больше! Поэтому и фермы дали более ста тысяч рублей чистой прибыли. Надой на корову увеличился, а себестоимость молока снизилась: корма-то свои!

путат Верховного Совета СССР и парторг колхоза Александр Васильевич Столяров (справа).

Все эти прибыли теперь не за счет кармана колхозников, нет. За труд людям выплачено в минувшем году почти в пять раз больше, чем до прихода Г. И. Сонина. Каждый трудоспособный сделал в минувшем году в среднем 260 выходов на работу. Вот и считайте. Только обязательно нужно оговориться, что «средние» все еще безбожно заслоняют огромный труд механизаторов и животноводов, частично покрывают нерадивых. На собрании в третьей бригаде женщина, из тех, что побойчее, спросила у председателя:

— А сколько выходов у доярок? Не подсчитали?

Они-то, доярки, работают пока еще без выходных. Георгий Иванович улыбнулся и ответил:

— Мы все подсчитали. У каждой доярки не менее трехсот пятидесяти! Но поймите, тут нечем гордиться, это не делает чести нам, правлению колхоза. Дайте срок, механизируем фермы, еще больше повысим ваши заработки, тогда можно будет подумать и о двух сменах, о восьмичасовом рабочем дне. А что, придет и такое время!

Ему похлопали. Спасибо за хорошие слова, ведь все помнили, как работали и что получали еще недавно. Теперь заработок на ферме — четыре-пять рублей в день! Это новый дом, своя корова, телевизор...

Даже в самые морозные дни

Осенью земля отдаст сторицей.

Инженер Александр Симонов встречает свою первую колхозную весну.

чистое зимнее солнце напоминает о весне. Телятся коровы, выходят из мастерской отремонтированные тракторы, пора уже сеялки устанавливать на норму высева. Агроном готовит карты полей для летчиков сельскохозяйственной авиации.

Говорят, Подборное когда-то — теперь уже в очень давние времена—славилось тем, что жило оно, мягко говоря, большой дорогой. Село как раз стоит на тракте Козельск — Калуга. Так вот, кое-кто склонен был объяснять и современные неудачи колхоза тяжелой наследственностью его хозяев: традиции, мол, такие, что не любят в Подборном мужики работать. Что же, нравы у каждой деревни действительно свои. Да только как им, подборненцам, было работать, если машин кот наплакал, а на «палочки» хлеба считай что не давали, если скотину держать не разрешали, усадьбы резали, а луга, чуть ли не единственное богатство, насильно распахивали!

По-прежнему стоит на большой дороге Подборное, а люди другими стали. Рубль — сила. А его можно либо украсть, либо заработать. Крадут, когда нет доверия и нет возможности заработать. Как-то при мне Георгий Иванович, спросил у звеньевой: много ли еще соломы осталось, хватит ли бригаде до весны-то?

— Хватит, что это вы беспокоитесь, Георгий Иванович?— махнула рукой молодая женщина.— У нас еще семь скирд ржаной соломы, два овсяной да два ячменной. Хватит!

— Да еще себе потаскиваете понемногу? — пошутил председатель. К слову пришлось.

— Нет, Георгий Иванович, насчет этого не сомневайтесь. Далеко, и снег по пояс. А потом, правду сказать, люди довольны тем, что получили. Нет, никто не балует...

Георгий Иванович говорил:

— Чем богаче колхоз, тем выгоднее государству. Все равно ведь в который раз уже пришлось долги нам прощать!.. У нас теперь появились возможности даже капитальное строительство вести за свой счет! Пора и честь знать, нельзя же все время жить кредитами!

...Вот и отшумели злые метели, встретилась зима с летом. Сойдут снега, откроются поля, и встретит деревня новый март, свое земледельческое Новогодие. И улыбнется где-нибудь на дальнем поле юному трактористу нестареющий Георгий Иванович Сонин, рыцарь земли без страха и упрека. Куда он теперь, без этих полей, без ветра, пахнущего по-весеннему навозцем и талой водой? «Так надо»,— вздыхает в непривычно тихой горнице Галина Ивановна. А в окна к ней заглядывает солнце.

Огни интерната.

— После школы — на ферму,— говорит Мария Макаркина.

Будет колхозный клуб.

Предсъездовские раздумья

ПО СОВЕСТИ, БЕЗ СКИДОК

И. ГОНЧАРОВ,
экскаваторщик Студеновского рудоуправления, делегат XXIII съезда КПСС

Недавно один человек спросил меня: «Почему ты, Иван Васильевич, стал коммунистом?» Говорю ему, что не мог не стать коммунистом. Была это чистая правда, но, наверное, все-таки не ответ на вопрос. И состоялся у нас потом с тем человеком долгий разговор о работе, о времени, вообще о жизни нашей.

На руднике я работаю 21 год, это если вычесть четыре года войны и еще год армейской службы уже в мирные дни. Но помню рудник еще более далекого времени. Работал тут в тридцатых годах мой отец. По профессии он был каменоломом. Когда называешь эту профессию современной молодежи, то думают, что речь идет о прошлом веке. А какой там прошлый век! Даже сразу после войны каменоломы у нас работали вовсю. Совсем вроде недавно. Время такое сейчас быстрое. Я, например, в свои сорок с небольшим лет, и каменоломов помню и как женщины после войны тяжелые вагонетки вручную откатывали.

Изменения произошли на моих глазах. Не только молодежи нынешней — самому порой не верится, что все это уложилось в два десятилетия. И, конечно, очень интересно понять и разобраться, как все произошло. Когда начинаешь думать, читать литературу, то приходишь к выводу: на первом месте стоит Партия. И поскольку ты в этих всех делах не простой свидетель, а участник, то наступает день, когда задумываешься о работе и жизни своей немного иначе, чем раньше,— пошире, посерьезнее. Только для этого нужно подняться повыше, другой горизонт требуется. Но происходит это не сразу.

Начинается все с первого трудового дня. До этого был человек учеником, а тут впервые делает что-то самостоятельно, ну, предположим, садится в кабину экскаватора. Два рычага, две педали — работай, показывай, на что способен. Один ковш, другой, третий... Потом через неделю или через месяц, смотришь, и норму выполнил. Затем и больше нормы дал. Значит, впрок пошла наука, взял у учителей их сноровку. А вот научился ли смотреть на труд свой, как они? Понял ли, что не может человек в нашей стране жить только сам по себе, что государственные интересы сродни его личным?

Воспитывать рабочую гордость, знакомить молодое поколение с ленинскими идеями необходимо. Но очень важно в собственной жизни найти подтверждения тем идеям.

Знал я таких людей. Работать он тебе будет, как зверь, нормы перекрывает запросто. А смена кончилась — и нет его, домой убежал, а машина стоит грязная. Наплевать ему и на машину, и на товарищей, и на весь свет, было бы денег побольше. Когда я слышу о таких людях (на нашем руднике они давно перевелись), злоба во мне поднимается и жалость. Злоба — понятно, почему. Жалость — просто по-человечески. Никакой, видно, не испытывает человек радости от своего дела, никакого удовольствия. А как приятно чувствовать машину, на которой работаешь, жалеть ее, гордиться ею! Это чувство, кстати, из учебников и лекций не почерпнешь, но если придет оно, то человек непременно взглянет на свое будничное дело иначе, серьезнее, поднимется на горизонт выше, задумается не только о себе, но и о других, не только о сегодняшнем дне, но и о будущем.

Я думаю, что каждый коммунист обязан помогать людям, воспитывать у них хозяйский подход ко всему, с чем сталкивается человек на работе. Кстати, и наша техническая мысль тоже должна способствовать этому. К сожалению, не всегда так получается. Прислали нам на рудник экскаваторы с удлиненным оборудованием. Производительность труда поднялась. Но за счет чего? Раньше экскаватор мог проработать лет двадцать, а теперь лет на шесть его хватит. Стрелу удлинили на семь метров, а все остальное старое. Не может машина справиться с такой нагрузкой, не рассчитана на нее — и изнашивается раньше времени. Не по-хозяйски это. И если машина может создавать у человека то или иное настроение, то такая большой радости не даст.

Добываем мы в своем руднике не руду, наша окончательная продукция — флюсы. Идут они и на липецкие металлургические заводы, и в Череповец, и в другие края. Применяются флюсы, как известно, в металлургическом производстве и служат для того, чтобы отделить металл от шлака. В жизни очень необходимы такие флюсы, которые бы смогли отделить в человеке хорошие его качества от мусора и шлака и помогли выплавить настоящее марксистское мировоззрение.

У нас рудник большой. Работаем мы, экскаваторщики, далеко друг от друга. Сотни метров нас разделяют. Но есть между нами крепкая спайка, и критикуем мы друг друга, и дружба хорошая. И, между прочим, текучки никакой мы в кадрах не знаем. Правду говорим в глаза, не стесняясь,— по совести, без скидок. И в партию мы принимаем не каждого. Требования предъявляем высокие. Вот Александра Гончарова, однофамильца моего, приняли, потому что знали его хорошо и верили в него. Вырос он на наших глазах: от помощника машиниста станка канатно-ударного бурения до машиниста экскаватора. Очень серьезный человек, думающий и принципиальный.

Человеку очень важно каждый день ощущать, что его труд вливается в труд его республики, всей страны, как говорил Маяковский. Чтобы чувствовал он эту взаимосвязь, чувствовал заинтересованность всего народа в его личной работе. Без этого не бывает настоящего коммуниста.

И еще об одном необходимо сказать, коль зашел разговор о воспитании убежденных коммунистов. Это «одно» я испытал не один, не два и не десять раз, гораздо больше. Речь об общественной работе. У нас иногда говорят: общественная нагрузка. Неподходящее слово! Общественная работа воспитывает у человека качества хозяина своего предприятия, дает ему возможность почувствовать и свою общественную силу и свою ответственность. Я больше работал, как говорится, по профсоюзной линии. Тут и с администрацией приходилось поспорить. Споры эти — неплохая школа воспитания принципиальности.

Последние четыре года я был членом конфликтной комиссии. И вот что интересно. В первый год мы разобрали массу конфликтов, а за весь прошлый год — всего два или три. Не в том дело, что недоразумений или ошибок у администрации резко поубавилось, вовсе нет. Проще стали решаться такие вопросы в цехах, и не доходили они до нашей комиссии. Значит, прибавилось людей с настоящей коммунистической жилкой, людей, заботящихся не только о себе.

Сейчас в руководство профсоюзной организацией у нас избрано много молодежи, и это правильно, пусть пройдут настоящую школу управления общественными делами, почувствуют и силу свою и ответственность.

С этого я и начал разговор — с кругозора, с духовных горизонтов человека, с широты взгляда, без которого не может быть коммунистического сознания. Когда у нас, например, работает экскаваторщик на погрузке известняка в вагоны, то находится он на самой низкой точке рудника и видит только железнодорожный состав, груду взорванного известняка и стену карьера, круто уходящую вверх. Если подняться повыше, на гребень той стены, то виден весь рудник, экскаваторы твоих товарищей, железнодорожные пути, по которым паровозы тащат на обогатительную фабрику думпкары с известняком. Бросишь взгляд еще дальше — там трубы металлургических заводов «Свободный сокол» и Новолипецкого металлургического, где ждут добытые тобой флюсы. Расширяется перед тобою горизонт. И сам человек становится от такой широкой картины богаче и свое место в жизни ощущает яснее, четче.

Мне оказали большую честь: избрали делегатом XXIII съезда партии. Я рад, что буду участником самого главного собрания коммунистов Советской страны, которое наметит еще более широкие горизонты нашего общего труда.

Липецк.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!..

Это Роза Стеблева. 8 Марта ей исполнится двадцать пять лет... Двадцать пять. Много это или мало? Все зависит от того, что кто успел за это время совершить. Если познакомиться с биографией Розы, то на первый взгляд она ничем особенным не отличается от множества ей подобных. После средней школы поступила на текстильный комбинат. Попала в чесальный цех. Решила продолжать занятия. Днем — на комбинате, вечером — в техникуме. Окончила его и получила в том же цехе новое назначение — помощник мастера. Вот и все.

Миллионы юношей и девушек после десяти классов приходят на заводы и фабрики. Миллионы учатся на вечерних факультетах и заочно. Миллионы становятся наладчиками, мастерами, техниками. Что тут такого?

— Отличный специалист! — говорит про нее начальник цеха Камышинского комбината Р. А. Гладкова.

— Опытный пропагандист, умело ведет кружок по изучению истории партии,— добавляет секретарь парткома комбината Г. К. Корепанова.

— Чуткая, сердечная, всегда поможет,— отзываются о ней подруги.

Приятно слышать такие слова в день своего праздника!

И. ГУММЕР

Вильнюс строится.

Интервью «Огонька»

ВЫСОКИЙ НАСТРОЙ ТВОРЧЕСТВА

Казимерас **М А Ц К Я В И Ч Ю С**, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Литвы, первый секретарь Вильнюсского горкома партии.

Вот уже несколько месяцев столица республики несет вахту в честь XXIII съезда партии. Трудовая перекличка городов Литвы началась всенародным походом за экономию производственных затрат. Что это дает? Вот один из сотен фактов. Работники вильнюсского завода «Нерис», усовершенствовав конструкцию сельхозмашин и технологию их производства, смогут сберечь столько металла, что его хватит на выпуск еще 40 агрегатов.

Рабочие и инженеры, ученые и художники — все хотят порадовать съезд своими подарками. На заводе «Эльфа» собирают сверх плана пятьсот магнитофонов «Айдас» и четыре тысячи электродвигателей; завод электросчетчиков создал прибор, который не уступает лучшим зарубежным образцам; фирма «Нерис» дала тысячный агрегат для приготовления витаминной травяной муки; в магазинах столицы появилась рыбная продукция, доставленная из Атлантики новым морозильным траулером «Губертас Бориса», который построен в Клайпеде на Балтийском заводе.

В ногу с рабочими фабрик и заводов шагают строители. В Вильнюсе они сдадут к открытию съезда шестьдесят новых квартир сверх плана. В городе вырастают новые кварталы. Всего за двадцать лет жилой фонд столицы Литвы удвоился.

Если заглянуть в лаборатории ученых, в мастерские художников, архитекторов,— всюду почувствуешь высокий творческий настрой. В театрах репетируют спектакли о наших современниках.

Ансамбль народной песни и танца «Летува», отмечающий свое двадцатипятилетие, подготовил новую программу. На прилавках магазинов появилась книга «Кристионас Донелайтис» — VII том трудов Института литовского языка и литературы Академии наук республики, том, посвященный выдающемуся поэту. Архитекторы разработали проект самого высокого здания в столице — 23-этажной гостиницы.

Таковы некоторые странички из летописи предсъездовских дел республики.

УЧАТСЯ... ЗАКАЗЧИКИ

На Вильнюсском заводе счетных машин нередко можно встретить людей, говорящих на самых разных языках. Они приехали изучать сложную вычислительную технику, которую заказали для своих предприятий.

Завод выпускает настолько сложные электронные машины, что пришлось отступить от обычно принятых взаимоотношений с заказчиками: прежде чем получить машины, они обязаны пройти в цехах курс обучения, тщательно изучить схемы этих машин.

Только что завод выпустил текстовые электронные машины марки «АТЭ-80». Сколько надо времени, чтобы досконально изучить их?

— Полгода, а может, и больше,— говорит инженер Ионас Касперюнас.— «АТЭ-80» обладает емкой памятью. Она решает обширный круг вопросов.

В минувшем году две тысячи советских и зарубежных специалистов прошли курс обучения на Вильнюсском заводе счетных машин.

ВИЛЬНЮС • ТАШКЕНТ •

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 28—29

МОЛОДОСТЬ НАРОДА

Гафур **Г У Л Я М**, академик, народный поэт Узбекистана

Недавно я увидел на улице плакат: пожилой узбек, рабочий или мастер, наклонившись над станком, показывает что-то ученику-подростку. Плакат как плакат. Ничего особенного. Я прошел мимо. И вдруг остановился, вернулся и снова посмотрел... Чем он привлек мое внимание? Я смотрел на пожилого узбека и думал: да ведь когда он сам был мальчиком, то мог учиться только у русских рабочих. А сегодня учит сам...

Мимо шла молодежь. Школьники, студенты, комсомольцы с фабрик и заводов. Они спешили, и им было не до меня, старика, который стоит и со слезами на глазах рассматривает плакат, словно диковинку. У них много дел. Они учатся жизни! Они шли мимо, а я думал: «Милые мои, известно ли вам, что вы ученики учеников?.. Вы принимаете жизнь такой счастливой, какой она сложилась сегодня. А мы видели, как она завоевывалась. Мы, которые сегодня учим вас, сами учились у тех, кто преподавал революцию!»

После таких слов принято переходить к цифрам. Но да будет позволено мне на этот раз не сравнивать наши достижения с уровнем тринадцатого года. Они и без того очевидны.

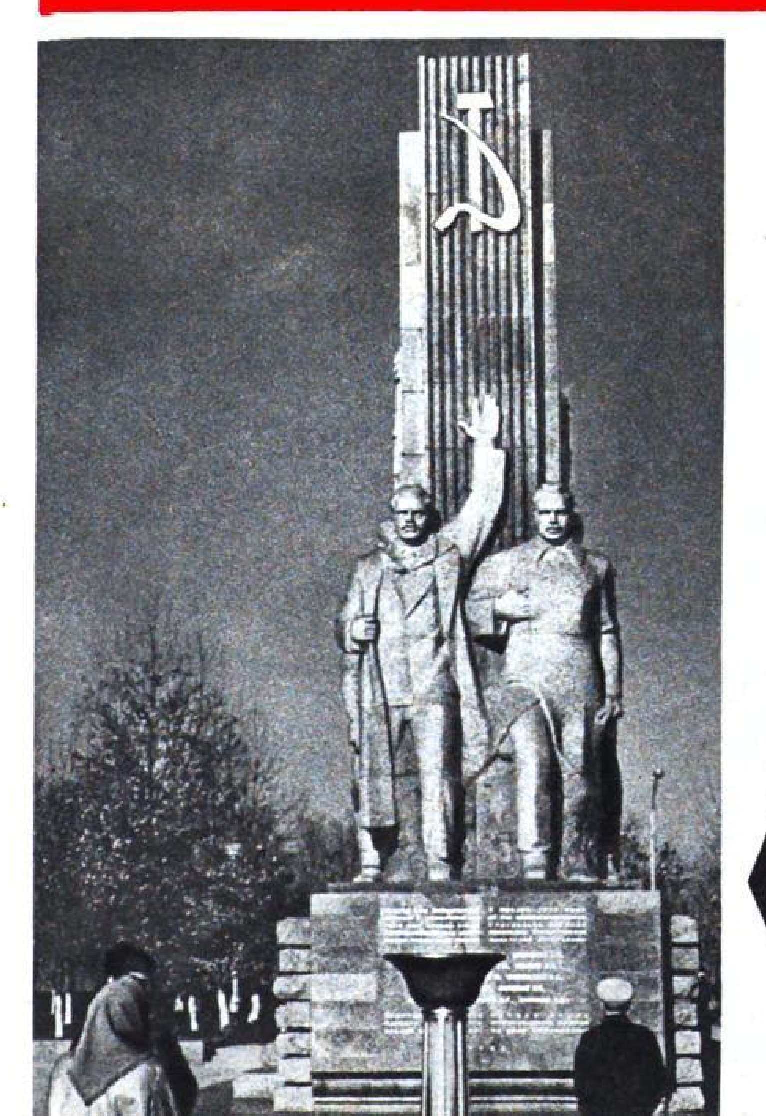
Мне хочется сказать о явлениях, которые цифрами не выразишь,— о необычайном расширении духовных горизонтов моего народа. Каждый узбек сегодня, где бы он ни жил — в Ташкенте или в отдаленном кишлаке,— обладает величайшим благом, какое только может быть дано человеку: ощущением своего духовного полноправия с представителями любой самой развитой нации земли. И сегодня столица моей республики — в недавнем прошлом глухой периферии мира — стала не только городом индустриального труда, городом высокой культуры, но и еще—городом мирным. Недавно внимание всего человечества было привлечено к Ташкенту: здесь состоялась встреча руководителей Индии и Пакистана. И она ведь не первая, эта встреча,— вспомните мощный форум писателей стран Азии и Африки или международный кинофестиваль.

Уникальные машины и невиданные строительные материалы; химия и металлургия; поднятые на поверхность богатства кладовых земли и богатейший ассортимент тканей; решения сложнейших научных проблем и редкостные хирургические операции... Все это и есть сегодняшний Узбекистан! И, конечно, хлопок.

И вот тут я все-таки приведу две цифры, вроде бы и прозаические, но в то же время необычайно убедительно вскрывающие масштабность свершений в моей республике. В прошлом году Узбекистан дал стране 3 миллиона 903 тысячи тонн хлопка. А в новой пятилетке валовой сбор хлопка должен достигнуть 4 миллионов 200 тысяч тонн в год.

...Стоит март. В Сибири еще лежит снег, а на просторах моей республики настоящая весна. На полях закладываются основы урожая будущего.

И мне, старому уже человеку, в преддверии двадцать третьего съезда партии радостно сказать о весне моей родины, о неувядающей молодости моего народа.

Этот памятник был воздвигнут в столице Узбекистана три года назад. Авторы монумента воссоздали образ четырнадцати бесстрашных туркестанских комиссаров, погибших в Ташкенте в январе 1919 года во время контрреволюционного мятежа.

ВСТРЕЧА С УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДОЙ

ВЫМПЕЛ С ГЕРБОМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ДОСТАВЛЕН НА ПЛАНЕТУ ВЕНЕРА.

Мы позвонили в Крымскую астрофизическую обсерваторию Академии наук СССР, где были сделаны многие интересные исследования загадочной планеты, и попросили прокомментировать сообщение ТАСС ученого секретаря обсерватории Л. С. ГАЛКИНА.

Сообщение о том, что наша автоматическая межпланетная станция доставила вымпел на поверхность Венеры, застало меня за подготовкой к ночным наблюдениям. И хотя мы, астрономы, знали, что станция достигнет планеты примерно к 1 марта, сообщение потрясло меня. Как-то сразу представился гигантский путь нашей науки и техники в освоении космоса со времен первого искусственного спутника Земли. Ведь совсем недавно мягко прилунилась «Луна-9», и вот сейчас новый исключительный успех советской науки. Побиты рекорды космической точности: произведение рук советского человека на поверхности далекой планеты!

Маршрут станции «Венера-3» был не только длителен, но и чрезвычайно сложен. Начальная скорость космического корабля во многом зависела от взаимного расположения Земли и Венеры в день запуска. Надо было учесть влияние на траекторию космической станции расположения этих и других планет.

Станции «Венера-2» и «Венера-3» позволили решить ряд принципиально новых задач, связанных с межпланетными путешествиями, к которым нас настойчиво приближает каждый новый успех в освоении космоса.

Вечерняя и утренняя звезда древности, названная в честь богини красоты,— самое яркое для нас небесное светило после Солнца и Луны. Естествен поэтому интерес к ней с незапамятных времен. Астрономов Венера привлекает по многим причинам. Это ближайшая к Земле планета, планета, имеющая мощную газовую оболочку. Венера и Земля — в известном смысле сестры. Их радиусы и массы примерно одинаковы.

Для нашей обсерватории Венера, как говорится, планета не посторонняя. Уже много лет изучают ее в отделе физики Солнца и планет, руководимом членом-корреспондентом Академии наук СССР А. Б. Северным. В 1961 году научные сотрудники В. К. Прокофьев и Н. Н. Петрова впервые получили при помощи спектрографа, установленного на башенном солнечном телескопе обсерватории, спектры Венеры в области так называемой теллурической альфа-полосы кислорода. Фотометрическая обработка этих снимков показала некоторую асимметрию линий. Для ученых это значило, что, может быть, асимметрия вызвана слабой полосой поглощения кислорода, находящегося в надоблачном слое атмосферы планеты. Так были сделаны первые заключения относительно наличия кислорода в атмосфере Венеры. И хотя они были очень осторожными, заключения произвели буквально сенсацию.

Наблюдения последующих лет, выполненные профессором В. К. Прокофьевым, подтвердили эти первые результаты. Так, по спектрам, полученным в 1964 году, установлено наличие кислорода в надоблачном слое атмосферы Венеры. И даже сделана оценка его содержания — не более 0,1 процента земного.

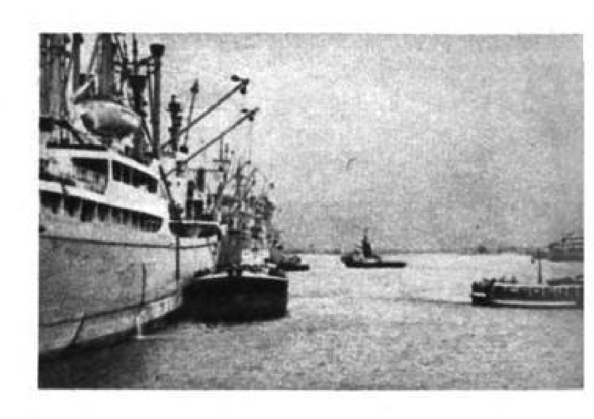
Ученые не пришли пока к единому мнению о том, что же представляет собой поверхность планеты, ее облачный покров, возможна ли на ней жизнь. Словом, под облачным покровом планеты скрывается еще много нерешенных проблем. И тем грандиознее успех наших автоматических станций «Венера-2» и «Венера-3». Бесспорно, это большой вклад в дело изучения Венеры. Исследование загадочной планеты продолжается...

Фото ТАСС, ЮПИ, газеты «Дейли уоркер», журнала «Штерн».

Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики Дьюла Каллаи совершил визит в Индию. Во время своего визита он встречался с премьер-министром Республики Индии г-жой Индирой Ганди. На снимке: Д. Каллаи на берегу Ганга, на том месте, где было кремировано тело Джавахарлала Неру, посадил розовый куст.

Q QUICK

«КВИК» — АДВОКАТ ДЕТОУБИЙЦ

10 ТЫСЯЧ ДЕТЕЙ УБИТО.
15 ТЫСЯЧ ДЕТЕЙ ИСКАЛЕЧЕНО.
100 ТЫСЯЧ ДЕТЕЙ ПОТЕРЯЛИ РОДИТЕЛЕЙ.

Эти страшные цифры — сегодняшний Вьетнам.

И этот снимок — горькая, страшная правда сегодняшнего Вьетнама.

— Папа, вставай! — просит плачущий мальчик. Он еще не понимает, что его отец убит...

Кем убит! Кто осиротил этого мальчика и тысячи других детей! Кто залил кровью землю Вьетнама!

На этот вопрос нет сегодня другого ответа:

АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

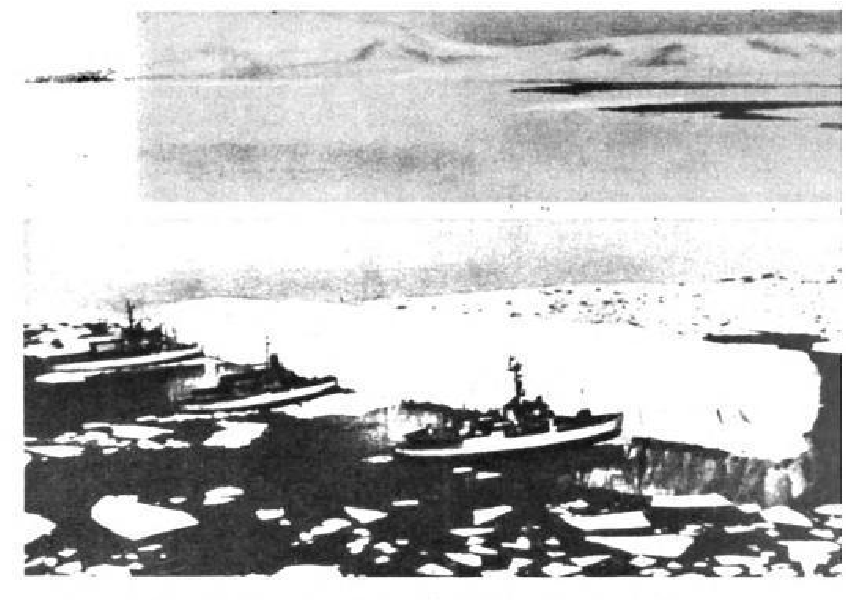
Но западногерманский журнал «Квик», опубликовавший этот снимок и эти страшные цифры о детях Вьетнама, дает своим читателям другой ответ: во всем виноваты сами вьетнамцы!

Эти два снимка — из Румынской Народной Республики. Первый сделан на машиностроительном заводе в Решице, продукция которого — двигатели для дизель-электровозов, турбо- и гидроагрегаты, оборудование для металлургической промышленности — пользуется заслуженной славой в стране и за рубежом.

В годы пятилетки коллективу завода предстоит решить большие задачи. Только для гидростанции Железных Ворот будет построено три гидроагрегата по 178 мгвт каждый. А этот ротор предназначен для гидроэлектростанции Арджеш.

Второй снимок сделан в одном из цехов новой швейной фабрики, которая недавно вошла в строй в городе Фокшани. Новое предприятие отличается оригинальной конструкцией и высокой степенью благоустройства. Ежегодно эта фабрика будет выпускать миллион пальто, костюмов и других изделий.

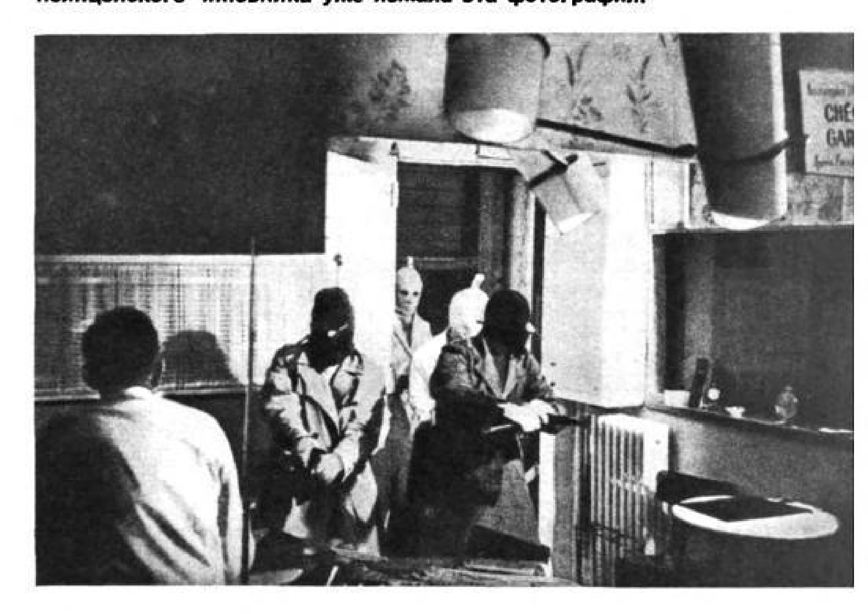
На снимке — бой ледоколов с айсбергом. Он произошел в Антарктиде, где американские ледоколы расчищали проход между льдов, ведущий к антарктической базе США. Проход загородил большой айсберг длиной в пятьсот и шириной в семьдесят пять метров. Три ледокола транспортировали эту массу льда к берегу.

Фото Аджерпресс.

Этот уникальный снимок был сделан в Ницце, в одном из ювелирных магазинов. Бандиты, которые решили совершить налет на магазин, не знали, что его владелец установил секретную камеру, которая приводилась в действие нажатием кнопки под ногой у служащего. Одновременно с затвором аппарата начинал действовать сигнал тревоги в полицейском участке. Когда налетчики были задержаны и приведены в полицию, на столе у полицейского чиновника уже лежала эта фотография.

Порт Росток. Сюда прибывают грузы из Советского Союза и Польши, отсюда в эти страны плывут машины, сделанные в ГДР. С каждым годом растет грузооборот Ростока, к 1970 году он достигнет 9 миллионов тонн.

Сегодняшний порт молод, и нет ничего удивительного в том, что более 80 процентов портовых рабочих составляет молодежь. В современном механизированном порту есть своя специальная школа, где готовят портовиков высокого класса. В нее принимают выпускников средних школ. Растет технически грамотная, инициативная рабочая смена.

Чарли Чаплин приступил к постановке нового фильма, который будет называться «Графиня из Гонконга». Главные роли в фильме будут исполнять София Лорен и американский актер Марлон Брандо.

Чем же заняты, что делают во Вьетнаме 180 тысяч американских солдат?

Судя по фотографиям и подписям к ним, сделанным в редакции «Квик», они заняты благотворительностью! Да, да, чистой благотворительностью! Судите сами.

Вот голодный ребенок, у которого война отняла все: мать, отца, детство. Какую же подпись под фотоснимком дает «Квик»?

«ЭТОТ МАЛЮТКА СЧАСТЛИВ...»! Так и написано: «Счастлив»! И как ему не быть счастливым! Великодушный американский солдат дал ему доскрести банку с куриными консервами!

А вот еще один снимок. Под ним такая трогательная подпись:

«Американский солдат рискует своей жизнью, чтобы под огнем мятежников доставить раненого вьетнамского ребенка к спасательному вертолету».

Вот ведь как, оказывается, обстоит дело! Вьетнамцы убивают своих собственных детей, а американские благодетели специально прибыли из-за океана, чтобы спасать их!

Таково бесстыдство «Квика», пытающегося обелить агрессоров и убийц! Журнал делает вид, что ему неизвестно о демонстрациях во всех странах мира — и в ФРГ также!— против преступлений американского империализма во Вьетнаме. «Квик» будто бы слеп и глух, он вроде даже и не слышит проклятий бандитам и детоубийцам.

Позорную роль взял на себя журнал. Позорную, грязную роль!

ЛЮБИТЕ ПРЕКРАСНОЕ!

Н. ТОМСКИЙ,
народный художник СССР, директор Московского художественного института имени В. И. Сурикова

Понимаете ли, мы оказались в тупике. Словно уперлись лбом в стену. За окнами наш Париж, Франция, весь мир. И все проходит мимо, будто мы не имеем никакого отношения ко всему, среди чего живем и с кем рядом живем,— так говорили мне год назад семеро парижских художников. Они добились признания и купались в славе и деньгах. Жизнь текла без забот. Легко и бездумно создавали они свои «картины»: чем нелепей, тем лучше. Всесильный бог Бизнес посетил их. И, казалось бы, какое человеку дело, если его «полотна» нарасхват у богатых покупателей,— загребай деньги, наслаждайся жизнью. Для истого бизнесмена это подлинный рай. Но семеро французских парней в один прекрасный день вытолкали взашей эту самую свою сладкую жизнь и со страстной увлеченностью подвижников принялись наново учиться реализму, по крохам возвращать утерянное мастерство. И теперь они штудируют натуру, рисуют и рисуют без конца, позируя друг другу. Когда вышли шальные деньги, шестеро из семерых стали зарабатывать на жизнь оформлением витрин, работой в рекламе, чтобы один — каждый по очереди — мог творить.

...Вспомнились мне эти парни, и необыкновенно ясен стал смысл случившегося с ними, когда несколько недель назад в торжественном зале в Ленинградской Академии художеств присутствовал я на обсуждении XI Всесоюзной выставки дипломных работ студентов художественных вузов нашей страны. Заслуженные советские художники— профессора институтов и академий говорили о том, что, как показала выставка, обучение в наших художественных вузах идет по правильному, здоровому пути социалистического реализма, который является основным методом и принципиально определяет идейно-творческое формирование наших молодых художников.

Мы, советские художники, считаем своей незыблемой обязанностью говорить о нашем времени, его заботах и деяниях, о человеке, живом, из плоти и крови, о земной красоте. На Западе же люди творчества порой завоевывают право на изображение правды жизни ценой лишений, нужды, одиночества. Так любовь художника к реальной форме становится в современном мире вопросом идейным...

Этой воинствующей, жизнеутверждающей любви учит будущих советских художников сама жизнь Родины, когда выезжают начинающие живописцы, скульпторы, графики на летнюю практику в колхозы, совхозы, на производства, на стройки. Впечатления реальности воплощаются в рисунках, этюдах, набросках с натуры. Часто тут же, на месте, составляется выставка, где зрители, они же герои будущих произведений, обсуждают работу молодых художников. Возникает искренний, юношески пылкий совет и спор, разговор по душам, как бы раздумье сообща искусства и жизни. Удивительно ли, что на XI Всесоюзной дипломной, как и на «взрослых» больших выставках, преобладали сюжеты, взятые из повседневности наших будней, смыкающихся с грядущим нашей истории, которая слышна в биении молодых сердец.

Лучшей работой называли на обсуждении картину киевлянки Нины Марченко «Возвращенное детство» — советский солдат выносит из фашистского лагеря смерти изможденных детей... Всем была понятна и гордость директора Ленинградского художественного института имени И. Е. Репина В. М. Орешникова, когда говорил он о своей ученице Вале Савельевой. Ведь юная художница сумела создать приподнятый, значительный образ, казалось бы, на будничном материале — усевшись рядком, отдыхают в перерыве работницы. Картина, названная «Русские женщины», оказалась достойна своего гордого имени.

О многоликости мирного человеческого счастья рассказали дипломные работы рижанки Лии Бумане, москвича Александра Новгородского, грузина Хасана Инаишвили, выпускника Ереванского института Артюши Хачатряна... Все эти первые самостоятельные произведения художников выдают их юношеское волнение. Правда, от творческой встречи один на один с действительностью не всегда в результате возникало действительно художественное произведение. Потому что быть реалистом — не значит брать жизнь как она есть, нужно уметь разглядеть в глубинах жизни ее прекрасную и мудрую сущность. Если бы только скопированной внешности искусству было достаточно, то зачем нужен был бы, например, скульптор? Не проще ли в самом деле вместо того, чтобы, долго волнуясь, изменяя, находя, лепить подобие человеческого тела, прямо, не мудрствуя лукаво, сделать с него слепок? Но все дело в том, что точный гипсовый слепок-муляж с настоящей живой руки получается мертвым, безобразным и непохожим!.. В нем нет жизни, нет правды, хотя и повторены абсолютно все жилки, морщинки, даже волоски руки. Муляж — это как отпечаток одного мгновения, которое в жизни никогда не останавливается и отдельно взятое не вмещает правды...

В одном подмосковном совхозе задумал я вылепить портрет старого овощевода Тихонова. Пришел он позировать... Стоит передо мной ссутулясь, как привык склоняться над грядками. Прошу смотреть направо, он всем туловищем поворачивается, словно шея у человека неподвижная. Тогда взял я да вылепил огурец и подал ему с вопросом: какой это сорт? Нет, говорит он, такого сорта. Еще не вывели. И читает мне тут же целую лекцию об огурцах. Профессор! Дивлюсь я, словно вовсе передо мной и человек не тот, а гордый, мудрый. Откуда-то осанка, вольность движений взялись... Таким и запечатлел я его в мраморе...

А ведь Тихонов всегда таким и был. И мы, художники, ведь для того существуем и работаем, чтобы показывать нашим людям, как они прекрасны, как богата смыслом их жизнь. Потому что там, где равнодушный и поверхностный натурализм углядит лишь ничем не примечательную оболочку, истинное искусство способно открыть величественное и прекрасное. Наш реализм не набор правил или раз навсегда установленных формальных приемов, он отношение к жизни, метод и инструмент ее познания и раскрытия. Этому-то методу прежде всего наряду с профессиональными навыками обучаем мы студентов.

Одиннадцать творческих мастерских в нашем Суриковском институте. Б. В. Иогансон, А. М. Грицай, В. Г. Цыплаков, Д. К. Мочальский работают с живописцами, М. Г. Манизер и я направляем будущих скульпторов, В. Ф. Рындин передает мастерство молодым театральным художникам, Е. А. Кибрик и Б. А. Дехтерев работают с графиками, у Н. А. Пономарева учатся плакатисты, а у А. В. Мизина — монументалисты. Но из мастерской одного руководителя выходят разные художники, разные творческие индивидуальности, не похожие ни на учителя, ни друг на друга. Так с каждым годом множится палитра советского искусства, обогащается новыми манерами, почерками, видениями...

Каждый истинный художник должен смело, без устали искать в жизни новые темы и сюжеты, раскрывая их все более совершенными пластическими средствами. Для такого мастера немыслимо повторение некоего неизменного самого себя, исключены штампы в творчестве, навсегда налажены взаимоотдача и взаимообмен с жизнью. Сегодня художник создает произведение, в котором открывает людям новые черты жизни, а завтра люди, восприняв слово художника, ставят перед ним новые творческие задачи. Вот почему никогда не пустуют залы наших художественных выставок, что нередко видел я на Западе. От каждой очередной экспозиции, от каждого полюбившегося и запомнившегося талантливого художника советские люди с нетерпением и интересом ждут, что же скажет он им завтра о жизни, о них самих, о прошлом и будущем. И именно так приходят к советским живописцам признание и слава...

Строгий, вдумчивый Гелий Коржев упорно ищет приметы нашего сурового, великого времени. Проблемны и остры полотна бойца и лирика Бориса Неменского. Учит нас любить Русь, понимать душу народа Владимир Стожаров — неутомимый певец красоты русской природы. В произведениях Таира Салахова художник воспевает романтику труда. Колоритны, глубоко человечны портреты современников кисти Василия Нечитайло.

Почти все названные имена помнятся мне вот с таких же дипломных студенческих выставок, о которой идет речь. Только сегодня я обращаюсь к творчеству этих зрелых мастеров, чтобы тем, кто теперь впервые вступает в храм искусства, еще раз напомнить о высоком призвании художника. От имени всех поколений советских художников хочу я сказать молодым: никогда не забывайте, что путь творчества есть путь вечных исканий, труда и тревог. Бесконечно важно для художника на первом же шаге четко определить свое отношение к миру. Только так и можно найти себя, о чем, естественно, молодые особенно беспокоятся. Без этого художник нем, пуст и бессилен, и ему нечего сказать людям...

Хочется мне пожелать молодым той идейной одержимости, что рождает высокие чувства, высокое творчество. Думайте и чувствуйте высоко! Любите прекрасное! Не красивую видимость, а благородство поступков, смелость мысли, готовность к подвигу, радостную самоотдачу в труде! Этому и посвящайте свои произведения. Мы еще не знаем этих будущих картин, скульптур, графических листов, потому что они впереди. При самой богатой фантазии нам не вообразить их. Но, оглядываясь на все созданное советским искусством за полвека, я верю: новый молодой отряд наших художников, чьи имена пока что больше известны членам государственных экзаменационных комиссий, учителям и товарищам, чем широкому зрителю, непременно скажет народу свое яркое и особенное слово.

Б. Неменский. ТИШИНА.

В. Чулович. ВЕСНА НА МАСЛОВКЕ.

Н. Дрючин. ТРАКТОРИСТ САША МИНЯЙЛОВ. (Алтайский совхоз.)

Светлана КУЗНЕЦОВА

Лирика

* * *

А сорока-ворона кашу варила
И на нашу свадьбу гостей звала,
И большая родня подарки дарила
И садилась вокруг большого стола.
Ах, какая свадьба была, какая свадьба была!
Закружилась комната и поплыла.
Поплыла округа, поплыла страна,
Ты теперь мне муж, я тебе — жена.
Ты держи меня, покрепче держи,
На тропиночках следы мои свежи.
Ты учи скорей утешные слова,
Чтоб от счастья не болела голова,
Чтобы свадебное платье не сносила,
Чтобы в стороны меня не заносило,
Чтобы больше на ветру не холодела,
Чтобы только одному в глаза глядела.
...Только зря я это все говорила,
А сорока-ворона кашу варила.

* * *

Вот так вот добывают сóболя,
Все кружат вдоль да поперек.
И мы кружили, но не добыли,
Не дался маленький зверек.

Не помогли отцовы ружья
В том несчастливейшем году.
А как брались за дело дружно,
А как хвалились на ходу!

Удача наша убежала
По рыхлым мартовским снегам,
И вот обида сердце сжала
И расселилась по углам.

Пушная мягкая услада
Водой сквозь пальцы протекла,
Но ничего взамен не надо
Ее звериного тепла.

* * *

Я зоркая или слепая?
В окошках стекла иль слюда?
Или глаза мои слипались
От сна жестокого тогда?
Во сне летели густо гуси,
Летели гуси до горы
И мыли ноженьки Маруси
Водой студеной Ангары.
Ах, Ангара, твое сказанье —
На памяти холодный след,
Мое большое наказанье
За ликованье лучших лет.
Мне красота твоя без толку,
Без толку прошлые стихи,
Я складываю их на полку,
Как замоленные грехи.
И я не видела сегодня,
Не видела позавчера,
Как опускались вниз по сходням
Мои сплошные вечера.
И как летели густо гуси
Не за моим уже окном
И как смеялись там Маруси
Над сбывшимся, над горьким сном.

* * *

Вот хожу я бледною
По дому, как в лесу.
Голову победную
Высоко несу.

Ни к чему здесь охать,
Низок потолок.
Не укусишь локоть,
Близок, да далек.

Как карты, разложила
Письма на столе —
Золотая жила
Не в моей земле.

Ничего не значит
То, что я смогла.
Не в моей удаче
Верные дела.

* * *

Я своя здесь, я здесь не лишняя.
Мне дорога сюда легка.
Над селом Лиственничным лиственницы
Упираются в облака.
На горе стою — именинница.
Мой сегодняшний пост высок.
Я сама зеленая лиственница.
В звонких жилах смолистый сок.
Под горою Байкал играет,
Гонит лодки и катера.
Каждый вздох Байкала вбирает
Молодая моя кора.

* * *

Будут сны о дальнем человеке.
Будет жизнь апрелем дорога.
Разольются, разольются реки,
Разойдутся шире берега.
Белизну капелями закапав,
Мне на север зиму уводить,
Чтобы от восходов и закатов
Для себя немного ухватить.
Догоняю зори, догоняю,
Все взахлеб, все второпях живу.
Доконаю сердце, доконаю,
Упаду на жухлую траву.
Вот и не осилено раздолье.
Кончены земные чудеса.
Осторожно разомкну ладони,
И уйдут зарницы в небеса.

* * *

Дышала на окно зимой,
А стекла не оттаяли,
И стало вдруг смешно самой,
Что глупости замаяли.
Что никуда не уплыла
Морями белопенными,
Что все пустячные дела
Прошли первостепенными.
Что, натыкаясь на углы,
Искала виноватых,
Вязала прочные узлы,
Да на гнилых канатах.

* * *

Отчуждения полоса,
И глаза твои посмелевшие...
И замру. И войду в леса,
В зауральские, в поредевшие.

Я войду в них на этих днях.
Пусть нельзя придумать нелепей —
Пересчитывать кольца на пнях
Прошлогодних великолепий.

Принимая округу ту,
Где на вырубках травы вышли,
Принижать твою высоту,
Поднимать свое здравомыслие.

* * *

Со лба стираю крупную испарину.
Расхлебываю кашу, мной заваренную.
Мне говорят: «Еще совсем немножко,
За папу ложку и за маму ложку.
За переулок, за тупик, за площадь.
За то, чтоб улеглось и стало проще.
За удивление, за брови скорбные,
За то, что наврала тебе с три короба.
Еще пол-ложки проглотить обязана
За то, что узелком с тобой завязана,
За то, на чем ты голову сломал,
За высшее доверие к словам».

* * *

Как мне постыло
Когда-то родное лицо!
...Руки помыла,
А посветлело кольцо.
Так на руке и горит,
Так и горит,
Словно само,
Словно само
Говорит:
«Ах, ты обиды вчерашние
Не вороши!
Ах, на кофейной на гуще
Не ворожи!
Ты же ведь с пальца
Не снимешь меня все равно,
Ты не утопишь,
Не бросишь меня за окно.
Ты не посмеешь
Меня расколоть молотком
И не завяжешь
Дружком подаренным платком!»

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ПРОЛОГ

В конце пятидесятых годов я жил на одной из старых московских улиц, неподалеку от Арбата. Теперь этой улицы нет и в помине. На месте кургузых купеческих доходных домов в четыре-пять этажей и уютных дворянских особняков с колоннами и запущенными садами позади прорублен новый проспект. На проспекте строятся из стекла, бетона и алюминия многоэтажные дома-красавцы, а замыкается проспект огромным зданием гостиницы «Украина». Теперь даже по соседству с Арбатом стало видно далекое-далекое небо. А когда-то тут все улочки упирались одна в другую, словно никуда не желали вывести человека, и в какую сторону ни глянь, виднелись одни брандмауэры да кирпичные заборы и тупики...

Впрочем, к делу это не относится, а только фиксирует бег времени, которое утекает из моих жадных пальцев, как песок.

А в те дни я еще не думал об этом истечении времени и, выходя по делам из дому, любил неторопливо пройтись по Арбату; нынешние люди чаще говорят «прошвырнуться» — и это о прогулочном-то шаге! Но я не завидую этим нынешним. Если они будут и дальше столь же бездумно относиться к великому русскому языку, то, боюсь, их дети перейдут на обезьяний лепет.

Была на Арбате одна занятная витрина, и я любил постоять возле нее. Принадлежала она комиссионному магазину, в котором продавалась всякая всячина: антиквариат, полотна старых и нынешних художников, бижутерия — дамские дешевенькие украшения, а порой выставлялись и совсем удивительные вещи: египетские, индийские, китайские вазы и вещицы из слоновой кости, немецкие пивные кружки с музыкой, которая играет столько времени, сколько льется в твое горло пиво, курительные трубки с мундштуком длиной в метр, а иногда даже кальяны. Денег, правда, в те времена у меня было не густо, и я просто наслаждался, глядя на всякие красивые вещицы.

В пятьдесят седьмом году я ходил по Арбату почти ежедневно. Тот год был для меня счастливым: наконец-то пришла и моя очередь переезжать в Новую квартиру, в Новый район Москвы, на Новый, Ломоносовский проспект. А подобное обстоятельство — все знают — требует ног да ног! Надо собрать всякие справки, сдать свою комнатенку, купить кое-какие обновы для радостного жилья.

И вот в те самые дни увидел я в знакомой витрине комиссионного магазина неожиданную вещь...

Это была небольшая бронзовая статуэтка Ники — древней богини Победы. Но самое странное было в том, что статуэтка не походила ни на одну из старинных мраморных статуй и гипсовых слепков, какие я видывал раньше...

В 1877 году в Греции, близ селения Олимпия, археологи выкопали из земли статую Ники работы древнего скульптора Пэо-

ния. Мрамор сохранился отлично, но у статуи были отбиты голова и руки. Есть статуя Ники Самофракийской в Лувре — прекрасная летящая фигура из мрамора, но и у нее нет ни головы, ни рук, остались только расправленные крылья, откинутые далеко назад, хотя богиня уже коснулась обломка скалы правой ногой, обтянутой длинным одеянием. Видел я и репродукции бронзовой Ники из Кассельского музея, но эта Ника, по-видимому, всего лишь запоздалая ретроспекция олимпийских мифов: эта Ника стоит на шаре, сложенные крылья ее торчат вверх за плечами, как на изображениях старонемецких ангелов, одеяние висит продольными складками, нет у нее ни полета, ни высокого энтузиазма, который и является подлинным отличием богини Победы.

Найдены и другие статуи Ники: украшения с носовой части боевых кораблей; фризы, изображающие аттические битвы. Но все это не заслуживало никакого сравнения с тем, что я увидел.

Передо мной были полет, воздушность, острота формы и сила содержания, слитые воедино в прекрасном произведении искусства. Как я уже сказал, фигурка была исполнена в бронзе, примерно в одну тридцатую известной статуи Пэония, стояла на бронзовом же пьедестале, на левой ноге, вокруг которой складками вилось еще взволнованное полетом одеяние, как будто Ника только что приземлилась, низринувшись с вытянутыми вперед руками, чтобы благословить воззвавшее к ней войско на смертный бой и победу.

Была она крылата, как и положено Нике, но и тут опять оказалась неожиданность: у Ники Пэония крылья опущены, у Луврской Ники — откинуты назад. Эта же Ника одно крыло сложила, почувствовав под ногой землю, другое же — правое — было поднято, как парус, и словно бы поддерживало богиню в воздухе и позволяло ей — буде не по вкусу придутся моления и жертвы — тут же оторваться от земли и вновь ринуться в небо.

И патина на металле и самый тон бронзы — все говорило, что это работа старинного мастера и очень возможно, что мастер сам видел такую статую Ники и перенес драгоценные черты прекрасного в металл, а потом оригинал погиб в битвах и неурядицах, и осталась лишь эта копия... Но очень может быть, что сама-то эта копия вышла из-под руки одного из тех великих мастеров, которых было достаточно в эпоху Возрождения, когда человеческая мысль через полтора примерно тысячелетия снова вернулась к созерцанию прекрасного, оставшегося нам в наследство от древних. И, кто знает, может быть, это работа самого великого Челлини или кого-нибудь из его учеников вдруг оказалась здесь, в витрине скромного московского магазина...

Вот эта статуэтка, бронза, двадцать сантиметров высотой вместе с пьедесталом, представлявшим как бы жертвенный камень, на который опустилась богиня, и захватила все мои мысли. Я подумал: ведь и у меня случаются победы, пусть их куда меньше, чем поражений! И почему бы мне не порадовать себя, не подарить себе эту прекрасную Нику, вокруг которой так и слышится гром битвы, медные наконечники копий ударяются в медные щиты и мечи со свистом рассекают воздух и звенят по бронзовым латам! И почему бы мне не сопрягать каждое свое деяние с нею, богиней Победы, рискуя больше, чем я рисковал до сих пор, ища более важные предметы для размышлений и для суждения о них! Надо сказать, что в те времена я работал в одной крупной газете и все пытался бороться с разными неурядицами в нашей жизни. Так пусть Ника будет свидетельницей того, как трудно приходит человек к победе, но ведь он приходит к победе, иначе он не создал бы эту великолепную богиню.

Так подумал я и сунулся в карман за деньгами, но тут же убрал руку. Денег у меня была одна сотенная, припасенная, чтобы съездить на новый Ломоносовский проспект для внепланового угощения маляров. Да и что я мог купить в те годы за свою сотенную? Вещь — это было видно сразу — привезена и сдана в магазин знатоком, да и оценщики в этом магазине — изрядные доки. И я уехал по своим делам, вздохнув про себя о постоянных невозможностях, которые так старят человеческое сердце.

Но, признаюсь, в тот же вечер я обежал почти всех моих друзей, занимая где сотню, а где и больше под предлогом, что скоро у меня новоселье и не повезешь же старую рухлядь в новый дом на новом Ломоносовском проспекте. И надо сказать правду: люди на радость очень отзывчивы, и мне удалось набрать довольно большую сумму.

Утром я отправился в магазин.

И тут моя дурная привычка разглядывать витрины сыграла со мной злую шутку. Мне бы поторопиться, подойти к магазину без пяти одиннадцать и протолкаться к прилавку в числе первых. А я подошел через пятнадцать минут после открытия и — Ники в витрине не было. А у подъезда магазина стояла черная «Волга» и сулила мне беду. В магазин я ворвался бегом, но продавщица уже заворачивала драгоценную для меня вещь в желтую оберточную бумагу, потом быстро обмотала сверток шпагатом и вручила в чьи-то руки.

И такое в душе моей было горе, что, протолкавшись довольно невежливо среди зевак — вы ведь знаете, что в комиссионных магазинах больше толпятся зеваки, покупателей там единицы,— я уставился опечаленными глазами в того, чьи руки уже приняли этот дар.

Передо мной была миловидная девушка, очень еще молодая, с нежным, розовым лицом, с розовыми губами и светло-рыжими волосами, небрежно рассыпавшимися по плечам, спокойная и радостная. И я невольно подумал, что не ей бы стать владелицей прекрасной этой вещи, значения которой она, наверное, и не понимает, а какому-нибудь усталому человеку вроде меня. Именно такому, кто порой доходит до грани поражения, но продолжает бороться, потому что верит в свою правоту и все равно надеется на победу. И пусть бы он был похож на меня летами, что ли, опытом, всей той тяжестью жизни, которая уже придавила мои плечи, но которую я все равно несу с гордостью, с какой несет свое бремя каждый не потерявший надежды человек. Ничего этого не было в моей незнакомке, хотя она и выглядела настоящей победительницей и вся словно бы светилась от радости, но это был всего лишь свет молодости, непосредственности.

Я невольно спросил:

— Не уступите ли вы мне эту вещь?

Она взглянула так, словно я чем-то оскорбил ее, и, бегло оглядев толпу в магазине, воскликнула капризно-повелительно:

— А-ле-ша! Помогите же мне!

— А вы подарите мне эту Нику? — каким-то тоскливо-измученным голосом спросил молодой человек с узким, угловатым, словно бы изузбренным лицом, пробиваясь к девушке и оттирая меня. Девушка подняла на него глаза и так же капризно бросила:

— Если вы будете победителем!

Было в ней нечто высокомерное, позволявшее ей не замечать посторонних да и на близких, каким, видно, был для нее провожатый, смотреть пренебрежительно: он для нее, а не она для него! Такие милые существа часто вырастают в обеспеченных и эгоистических семьях, и на них трудно найти управу. Молодой человек, должно быть, знал это, так как только вздохнул в ответ, взял покупку и повел девушку к выходу, оберегая каждое ее движение, словно девушка была стеклянная и всякое постороннее прикосновение могло ее разбить. Угловатое лицо его стало еще грустнее, но я и без опоры на старинную науку — физиогномику понял, что это настоящий боец, только еще несмелый, не сознающий своей силы. И, преодолевая горечь утраты так понравившейся мне вещи, невольно подумал: «Что ж, молодой человек, пусть тебе поможет Ника, и пусть победные лавры увенчают тебя!»

С этой мыслью я вышел из магазина.

Тех двоих уже не было. Их, должно быть, и ждала черная «Волга», которую я приметил у магазина, когда торопился, безвозвратно опаздывая.

Прошло несколько лет. Иногда я одерживал победы духа, порой терпел жестокие поражения. По-прежнему я писал свои статьи и книги и в тот памятный год, к которому сейчас обращаюсь в воспоминаниях, ввязался в один научный спор. Я пытался где только мог доказать право начинающего ученого на самоопределение, самостоятельность, на риск, даже на ошибку, искренне полагая, что только собственный опыт делает научного работника подлинным открывателем, а осознанные ошибки облегчают путь к конечной цели. Я познакомился со многими учеными, старыми и молодыми, талантливыми и бездарными, скрытными и откровенными, поддерживавшими мои мысли и яростно отрицавшими их. Для того чтобы уметь разговаривать на их языке и понимать, чем они заняты и сколь важны проблемы, которые они решают, я подчас становился их покорным учеником. В те годы я прочитал сотни книг, прослушал десятки лекций и дружеских собеседований, короче говоря, стал наконец дилетантом во многих научных вопросах,— примите это слово в его истинном значении: знающий, хотя и не открывающий! Но все мне чего-то не хватало в том арсенале знаний и чувств, которые я приобрел. Иногда я шутя и уже с доброй усмешкой подумывал, что мне как раз и недостает покровительства той Ники, которой я любовался когда-то через стекло витрины в знакомом магазине. Но в тот магазин я больше не ходил, привык к своему

Николай АСАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

уже не новому Ломоносовскому проспекту и в центр выезжал только по делам да иногда сыграть партию в бильярд,— помните книгу Бёлля «Бильярд в половине десятого»? Вероятно, это скромное удовольствие тем и приятно усталым, пожилым людям, что позволяет им хоть в чем-то сравняться с молодыми, не становясь смешными.

Вот во время одной такой партии в бильярд и отыскал меня в клубе молодой ученый, физик Горячев, с которым за несколько дней до этого я познакомился. У него оказался лишний билет на симпозиум ядерщиков, занимающихся изучением ядра. И он, помня мой интерес к новым течениям в этой области физики, заехал пригласить меня.

Симпозиум открывался в шесть часов, до начала было еще далеко, и мы решили пройтись пешком переулками с улицы Воровского до Дома ученых.

Так, нечаянно, я снова оказался на Арбате, поглядел на прорубленный сквозь гущу бывших купеческих и дворянских домов новый проспект, пытался опознать и не нашел свою старую улицу и вдруг наткнулся на ту самую памятную витрину комиссионного магазина.

Я даже вздрогнул: в витрине стояла статуэтка Ники.

Но, боже, в каком она была виде!

Оба крыла отломлены по самое плечо, на нижней кромке пьедестала виднелось продолговатое пятно. Приглядевшись, я понял: кто-то варварски счистил нанесенную другим варваром надпись, по-видимому, дарственную. Меня возмутили оба: и тот, кто осмелился нанести на уникальную статуэтку какое-то пожелание здоровья или что-то в этом роде, и тот, кто содрал, возможно, при помощи грубого напильника, драгоценный слой патины — свидетельство старинного происхождения скульптуры.

Но то, что спутник мой смотрел на изуродованную Нику так же горестно, меня порадовало. «Искусство,— подумал я,— находит своих сателлитов там, где является человеку. И пусть человек этот увлечен другими идеями, пусть не всегда прекрасное, которое он замечает мимоходом, западает в его душу, но приходит порою миг, когда и такой односторонний человек готов пасть ниц перед явившимся ему видением».

Горячев что-то бормотал про себя, и я невольно прислушался, чтобы стать свидетелем поклонения красоте. И был очень разочарован.

— Значит, он все-таки решил от нее избавиться?— бормотал Горячев.— И, как практичный человек, даже извлечь хоть какую-нибудь пользу?— Тут мой спутник схватил меня за руку и сердито произнес: — Что же мы тут стоим? Пойдемте хоть узнаем, во что он оценил свою победу!— И с этими странными словами повлек меня в магазин.

— Кто он?—произнес я чуть ли не враждебно.

— А, это не важно!— отмахнулся Горячев и распахнул дверь.

Был час «пик», когда москвичи стремятся по домам и забегают только в продуктовые магазины. В комиссионном было свободно. Та самая продавщица, которую я помнил с незапамятных времен, отдыхала, прислонясь спиной к стеклянным витринам, охранявшим обломки прошлого. Горячев подошел к ней и, ткнув пальцем в окно, где меж двумя толстыми стеклами, как в голубой воде, мерцала обескрыленная Ника, спросил:

— Сколько стоит это произведение?

— Двести рублей!—лениво ответила продавщица, по-видимому, одним взглядом оценив наши покупательные способности.

— А почему она без крыльев?— спросил я.

— Наверно, попала под бомбежку!— хохотнув, сострила продавщица.

— Достаньте статуэтку!— строго, не принимая этого легкомысленного тона, приказал Горячев.

Было что-то такое в его голосе, что продавщица вмиг стерла насмешливую улыбку, повозилась с ключами, распахнула раму и выволокла мою Нику через голову китайского богдыхана и под свисающим сверху костяным бивнем меч-рыбы. Поставив статуэтку на прилавок, она тряпкой обмахнула пыль.

Даже без крыльев Ника была великолепна.

— Я ее беру!— коротко сказал я.— Вы не добавите мне пятьдесят рублей?— обратился я к Горячеву.

— Почему вы?— суховато спросил Горячев.— Эту вещь возьму я, и вы добавите мне сто рублей!— с ударением закончил он.

— Позвольте, но почему вы? Я уже опоздал однажды на пять минут, и ее увели у меня из-под самого носа.

— А я уже унес ее однажды из этого магазина. Вы получите ее от меня в подарок, но только в том случае, если окажетесь победителем!

И вдруг в моих ушах зазвенел девичий капризно-приказывающий голос: «А-ле-ша! Помогите же мне!» — и тоскливо-измученный: «А вы подарите мне эту Нику?» — и снова капризный: «Если вы будете победителем!»

Я вспомнил все, вплоть до интонации, и фразы еще звучали во мне, когда я нерасчетливо произнес:

— А-ле-ша...

Горячев вздрогнул и пытливо взглянул на меня.

Я сердито спросил:

— Значит, это были вы вдвоем с девушкой на черной «Волге»? Вы еще без стеснения отодвинули меня, когда девушка сказала свое: «А-ле-ша...»

Он вспыхнул, румянец окрасил не только лицо, но и уши и шею в воротнике расстегнутой по-летнему рубашки, как это бывает только с людьми стеснительными, одинокими, не очень уверенными в себе.

— Так это вы хотели перекупить Нику?— недоверчиво спросил он, разглядывая меня так, будто я опять чем-то досадил ему.

Я поторопился успокоить его и даже пошутил:

— Как видите, наши пути скрестились очень давно. И сегодня я увидел Нику первым. Но я уже примирился с потерей, и если настаиваете...

— Так вы берете ее или нет?— вдруг железным голосом проговорила продавщица.— Магазин закрывается!

Горячев засуетился, выкладывая из карманов всю свою наличность. Как он и предположил, нужной суммы у него не было. Я вздохнул и добавил десять потертых красных бумажек.

Когда он принес кассовый чек, Ника была уже упакована. Я смиренно попросил:

— Дайте я хоть понесу покупку. Все-таки Ника побудет у меня в руках!

Он торопливо сказал:

— Мы не поедем на симпозиум. Мы поедем ко мне. У меня в холодильнике лежит лимон, есть сахарная пудра и отличный кофе. А в книжном шкафу — бутылка старого армянского коньяка. Мы будем пить коньяк маленькими рюмками, чтобы нам хватило бутылки на всю ночь, станем любоваться бескрылой Никой, и я расскажу вам историю о ней...

— И о той девушке?— притворяясь суровым, спросил я.

— И о ней и о человеке, который последним держал Нику в руках и решил избавиться от нее. И если вы опишете всю эту историю и окажетесь победителем, я подарю вам Нику, и подарю ее крылатой. Крылья Ники лежат в ящике моего стола.

— А ваша жена?

— Она работает сегодня в ночь.

— Доктор?

— Почему?—с неудовольствием спросил он.— Ученые тоже часто работают по ночам. Она дежурит на вычислительной станции, а сейчас там рассчитывают координаты для мягкой посадки на Луну первой автоматической научной станции. Вы представляете, какая это работа?!—В голосе его звучало восхищение.

Я не стал сопротивляться. Да и не часто мне, Землянину, приходилось сталкиваться с такой ситуацией: физик находит утраченную им статую Ники, а жена в это время рассчитывает координаты и параметры посадки на Луну. И все это происходит в реальной обстановке нашего времени.

Квартира Горячева была разделена по принципу нейтрализма. Он провел меня прямо в свой кабинет, где стояли книжные стеллажи, диван, кресла, письменный стол с арифмометром и пишущей машинкой и множество пепельниц в самых разных местах, что доказывало: здесь часто собираются беспокойные люди, спорят, много курят, порою немного выпивают. Горячев раскрыл бар, вделанный в стеллажи, и достал бутылку коньяка, рюмки и два лимона, а с кухни принес сахарную пудру. Но, расставив все это на маленьком круглом столе, принялся священнодействовать над другим.

Он развернул статуэтку, достал из письменного стола обломанные крылья, разыскал в одном из ящиков паяльник, кислоту и олово, и вот по комнате пронесся острый запах, и крылья богини плотно прикипели к плечам. Поставив статуэтку на круглый столик между нами, он поднял рюмку и прикоснулся ею к крылу богини. Я проделал то же самое, и он наконец заговорил.

Я записал историю бескрылой Ники и предлагаю ее на ваш суд.

Так как это всего лишь личная история одного молодого ученого и нескольких его друзей и противников, я почел за благо изменить некоторые фамилии. Что же касается элементарных частиц атомного ядра, также действующих в повести, то иные названия их и свойства, могущие привести физиков в недоумение, просто вымышлены автором для удобства изложения идей и фактов, с которыми сталкиваются мои герои.

Итак, до встречи в конце повести!

Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НЕ ВСЯКИЙ УСПЕХ ЕСТЬ ПОБЕДА

Утром 25 мая Алексей Горячев проснулся знаменитым.

Ну, может, не совсем знаменитым, но, во всяком случае, известным не только узкому кругу своих друзей и знакомых, а и в том широком мире, где раньше о нем никто ничего не слыхивал.

Началось с того, что позвонил Ярослав Чудаков.

— Прочитал, старик? Ну и как?

— Что я должен был прочитать? Автореферат твоей докторской диссертации? Сегодня воскресенье, и я не собираюсь что бы то ни было читать! По Конституции это день отдыха!

В институте часто разыгрывали друг друга, и Горячев решил не поддаваться.

— Да я не о том!— с досадой сказал Чудаков.— Гиреев разразился статьей о работе института. И больше всего говорит о тебе и обо мне. Открой сегодняшнюю газету.— И положил трубку.

Если бы Ярка продолжал трепаться, Горячев и не подумал бы взять газету. Он читал ее по вечерам, тем более в воскресенье. У него за неделю образовывался недосып часов на восемь, а Горячев любил во всем пунктуальность. Поэтому в субботу он заваливался в постель в десять вечера, а вставал в воскресенье тоже вечером, около пяти или шести, в зависимости от того, сколько не доспал за неделю.

Но после того, как Ярослав швырнул трубку, о сне не могло быть и речи. Горячев прошлепал босиком в переднюю, где

под прорезью в двери лежали на полу газеты и журналы.

Алексей поднял газету и на ходу развернул. Ярослав не разыгрывал: на второй странице была напечатана статья Гиреева, директора института, посвященная новым открытиям в области элементарных частиц. Иван Александрович начинал ее настоящим панегириком в честь «молодых воспитанников института» Горячева и Чудакова. Горячева он даже именовал по имени и отчеству — Алексеем Фадеевичем. Чудакова же, которого недолюбливал за злой язык, обозначал только инициалами — Я. Я. Однако фамилия Чудакова упоминалась не реже, чем фамилия Горячева,— двенадцать раз!

Все эти сложные подсчеты Горячев произвел уже в постели, благо карандаш был под рукой, на ночном столике, рядом с записной книжкой и сигаретами. На институтском языке это называлось: выбрать полную информацию. Известно, что в любом источнике информация находится в рассеянном состоянии. Главное, привести ее в систему.

Итак, в возрасте двадцати восьми лет Горячев, сам того не подозревая, превратился в ученого мужа, которого отныне даже старшие будут называть Алексеем Фадеевичем. Сначала это будет звучать шуткой, но постепенно все привыкнут, и Алексею Фадеевичу останется только обзаводиться ружиться под таким-то углом и с такой-то скоростью пролетающие частицы, которых еще никто не наблюдал, заранее дал им название «ро-мезоны», и эти частицы действительно появились...

Но ведь вполне возможно, что для Ивана Александровича это открытие только предлог. Вдруг ему понадобилось утереть нос американским коллегам или просто испросить как можно скорее некоторую сумму денег для постройки нового ускорителя? Нет, тут еще надо подумать...

Но относительно телефонных звонков он не ошибся...

Алексей только что собрался поддразнить Ярослава по поводу недостаточной информации, как телефон зазвонил снова.

Алексей сразу узнал бархатный голос Михаила Борисовича Красова — начальника лаборатории элементарных частиц и на первые же слова поздравления ответил почти искренне:

— Только благодаря вам, Михаил Борисович!

Михаил Борисович, как бы пропустив реплику мимо ушей, мягко прервал Горячева:

— Заходите вечерком, Алексей Фадеевич. И я и все мои будут рады. Вы слышали, что Нонна вернулась?

Нонна!.. Вернулась?

Алексей даже прикрыл глаза на мгновение, словно его ударили. Но все равно увидел Нонну перед собой такой, какой она была в тот вечер, когда вдруг сказала, что уезжает в Ленинград к Бахтиярову. В тот вечер Алексею все казалось, что она никого и ничего не слышит, занятая какими-то своими мыслями. Он сам вызвал ее на этот не нужный ни ей, ни ему разговор. Итак, она вернулась! Через пять лет...

— Вы слышите меня, Алексей Фадеевич?

Это опять Михаил Борисович. Он, вероятно, и не догадывается, как ошеломил Алексея. Просто удивляется, почему Алексей умолк.

— Да, да, Михаил Борисович! Обязательно приду...

И машинально спросил:

— А Чудаков тоже будет?

Теперь замялся Михаил Борисович. Но ответил так же бархатно:

— Как раз намереваюсь позвонить ему.

И Алексей понял: не намеревался. Все в институте знают, что Михаил Борисович давно уже недолюбливает общество острого на слово Чудакова и предпочитает разговаривать с ним в официальной обстановке и по возможности только на научные темы. Это раньше он с удовольствием приглашал Ярослава в свой дом. Но теперь позвонит. А Ярка, конечно, откажется. Выдумает, что у него туристский поход или какой-нибудь заплыв на байдарке. Ярка отлично знает, что приглашение домой к Михаилу Борисовичу рассматривается как некое негласное повышение. Так сказать, высшая отметка за поведение. Выше пяти баллов. Но Ярке эти отметки ни к чему. А нужна ли такая отметка самому Алексею? Ведь в дом к отцу вернулась Нонна...

Он положил трубку и долго еще лежал неподвижно, уперев взгляд в невысокий сиренево-белый потолок своей новенькой квартиры. Лежал и думал черт знает о чем, лишь бы не вспоминать Нонну. Вот и эту квартирку, однокомнатную, мечту холостяков, ему дали без очереди. И тут не обошлось без вмешательства Михаила Борисовича. Михаил Борисович знал все нужды своих помощников и умел так распределять блага, что без лишней расточительности почти всегда достигал максимального эффекта.

Тогда Алексей был далек от мысли, что это всего лишь одна из удочек, на которую Михаил Борисович собирался подловить его скромную душу. Он был просто рад и бесконечно благодарен Михаилу Борисовичу: до этого он жил с отцом в тесной комнатке, в которой и письменный стол поставить было некуда. А в эту квартирку он мог бы пригласить даже Нонну...

Фу, черт, о чем он думает!

Телефон затрезвонил снова.

Алексей лениво сказал:

— Я слушаю.

И осекся, услышав громкий, откровенный смех директора института.

Нет, Гиреев не так прост! Вот он ехидно спросил:

— Принимаете поздравления, Алексей Фадеевич?

— Что вы, Иван Александрович!

— Почему же? Это естественно! Я трижды набирал ваш номер, и все время было занято.

— Так это же Чудаков и...

— И кто же еще?

— И Михаил Борисович...— с некоторой неловкостью ответил Алексей.

Он знал, что между Гиреевым и Михаилом Борисовичем идет негласный спор. С точки зрения Гиреева, Михаил Борисович редко выдвигает стоящие теории, чтобы ими можно было объяснить неожиданные странности, подстерегающие исследователей внутриядерных процессов. Сам Иван Александрович был последователем знаменитого физика Бора. А Нильс Бор принимал к рассмотрению только такие теоретические выкладки и предсказания, которые не были похожи ни на что предыдущее. Это ведь Нильс Бор отчитал некоего известного физика словами, которые Иван Александрович Гиреев любит повторять:

«Все мы согласны, что ваша теория безумна. Вопрос, который нас разделяет, состоит в том, достаточно ли она безумна, чтобы иметь шансы быть истинной. По-моему, она недостаточно безумна для этого».

Конечно, это не значит, будто Иван Александрович или сам Нильс Бор считают физику профессией фантазеров. Просто пришло время, когда для объяснения процессов, происходящих внутри атомного ядра, прежние представления о физических законах не подходят. Тем более необходимо найти новые законы. И тут без ломки старых представлений и понятий не обойдешься. И еще вопрос, достаточно ли «безумен» сам Иван Александрович, чтобы понять и принять те крохи истины, которые добывают в своих опытах «талантливые мо-

семьей, жирком и степенями. Не так ли происходит со многими учеными не только в их институте, но и во всем мире? Во время прошлогодней конференции в Женеве Алексей насмотрелся на физиков: только спорт и спасает их от ожирения...

И тут же подумал: Чудакова на эту удочку не поймаешь! Он жиреть не станет!

И улыбнулся: ну, а сам-то Алексей клюнет?

Удочки бывают разные. Золотые, как эта статья директора института. Серебряные, вроде повышения в должности. Медные — новая квартира и телефон под рукой. Стальные — таких Алексей еще не видал, но Чудаков как-то говорил ему, чем кончилась ученая карьера ныне уже немолодого физика Подобнова: ходит в мире некий человек с опустошенной душой и только завидует всем. В данную минуту, возможно, завидует Горячеву и Чудакову, хотя, видит бог, уж им-то завидовать не стоит...

Можно было бы снова заснуть — это Алексей умел,— но тут он подумал: газета сейчас у каждого в руках! И уж, конечно, кое-кто позвонит. Одни — из вежливости, другие — из дружбы, третьи — из зависти. Гиреев редко кого удостаивал таких почестей, а информация в наш век передается с необычайной быстротою. Другое дело, полная она или половинчатая. В сущности, Алексею да и Ярке только кажется, что они знают, почему академик написал эту статью. Конечно, предпосылка есть: двое молодых ученых из института, которым руководит Иван Александрович, объединив свои усилия, создали: один — новый вариант пузырьковой камеры для наблюдения элементарных частиц, другой — теорию, согласно которой в этой камере должны были обна-

лодые физики Алексей Фадеевич Горячев и Я. Я. Чудаков», как он написал в своей сегодняшней статье.

— И что же?— поинтересовался директор.— Пригласил?

Да, в догадливости Ивану Александровичу не откажешь. Алексей не успел ответить. Иван Александрович добродушно сказал:

— Значит, там и поговорим...

— А есть новости, Иван Александрович?— осторожно спросил Горячев.

— Приближаются. Перед визитом к Михаилу Борисовичу просмотрите последний номер «Physical Review». Я послал его вам час назад.

И точно, в прихожей щелкнула металлическая задвижка над прорезью в двери с надписью «Почта», и на пол упало что-то тяжелое. Алексей знал: американские журналы делаются на мелованной бумаге и весят килограммы. Прощай, отдых!

—. Спасибо, уже принесли.

— Не обязательно вздыхать так горько. Я заложил нужную страницу!

Да, в точности академику тоже не откажешь! Алексей снова прошлепал в переднюю и поднял с пола тщательно увязанный увесистый сверток. Распаковав журнал, он увидел не только закладку, но еще и пометку на обложке: «А. Ф. Гор. Пр. 147».

Можно было бы еще поваляться в постели, но статьи физиков пишутся в основном на языке цифр, а формулы лучше проверять за столом. Статья, отмеченная академиком, принадлежала перу американского физика Ф. Моргана и умещалась на двух страничках, но формулы в ней занимали больше места, чем текст. Поневоле пришлось одеться, а затем и приготовить холостяцкий завтрак — кофе и сосиски. Алексей тут же, на пластиковом кухонном столике, положил свои нехитрые вычислительные инструменты: авторучку, бумагу, логарифмическую линейку... А на третьем абзаце забыл о завтраке. Произошло именно то, о чем так сердито говорил Ярослав, когда их заставили раз за разом проверять отлично удавшийся эксперимент: «Идеи носятся в воздухе и передаются на расстояние не только по радио! Пока нас тут заставляют снова и снова доказывать уже доказанное, кто поручится, что другой физик не наткнется на нашу идею?»

И вот это случилось: известный американский физик писал именно об открытых Алексеем новых частицах — ро-мезонах. А самое печальное заключалось в том, что итоги долгих и кропотливых исследований Алексея Горячева и Ярослава Чудакова были опубликованы только на ротапринте и читали их, может быть, десятки человек. А статью Ф. Моргана сейчас читают тысячи физиков...

У Алексея тряслись руки, когда он набирал номер телефона Чудакова.

— Ярослав, зайди ко мне как можно быстрее!

— Если я попытаюсь открыть дверь, Анушка прикует меня цепью к дивану.

— Скажи Анне, что ты идешь не на свидание, а на похороны.

Наверно, не сами слова, а тон, каким говорил Алексей, нарушил веселое настроение Ярослава. Он резко спросил:

— Что случилось?

— О нашем открытии опубликована статья в американском журнале. Только открытие сделал Морган.

— Журнал у тебя?

— Да, можешь получить полную информацию!— не удержался, чтобы не уязвить друга, Алексей.

— Куда уж полнее!—сердито сказал Чудаков.— Сейчас приду!

Ну что ж, подождем три минуты. Идти Ярославу недалеко, со второго этажа соседнего подъезда...

Другой вопрос: может ли он чем-нибудь помочь Алексею?

И еще вопрос: а как отнесется сам товарищ Гиреев к тому, что так опоздал со своей хвалебной статьей? И кто во всем этом виноват?

Продолжение следует.

ЗНАКОМЬТЕСЬ — ЗАМБИЯ!

В. ПАНКРАТЬЕВ
Фото автора.

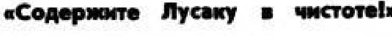

Уличная сценка: на тротуаре перед универмагом.

Водопад Виктория. Африканцы называют его Мозиоатунья — Дым, который гремит.

«Содержите Лусаку в чистоте!»

БЛИЗНЕЦАМ — ШЕСТНАДЦАТЬ

Четверо идут из школы. Четверо близнецов: девушка и трое парней. Высокие, стройные, здоровые. Мать знает, когда должны возвратиться в село ее дети, и встречает их далеко от дома, на окраине села.

...Шестнадцать лет назад в семье молдавского железнодорожника Георгия Шерепера родились четверо близнецов: Валентина, Виктор, Александр и Борис. После того, как республиканские газеты напечатали сообщение об этом, в адрес Степаниды и Георгия Шереперов поступили десятки писем и телеграмм со всех концов страны. Государство оказало семье материальную помощь, врачи внимательно следили и ухаживали за новорожденными.

И вот прошло шестнадцать лет. Валентина и Виктор учатся в 9-м классе бендерской железнодорожной школы-интерната, Александр и Борис — в 8-м классе бельцкой железнодорожной школы-интерната. Старший брат работает механизатором в колхозе, младший брат и сестренка учатся в сельской школе.

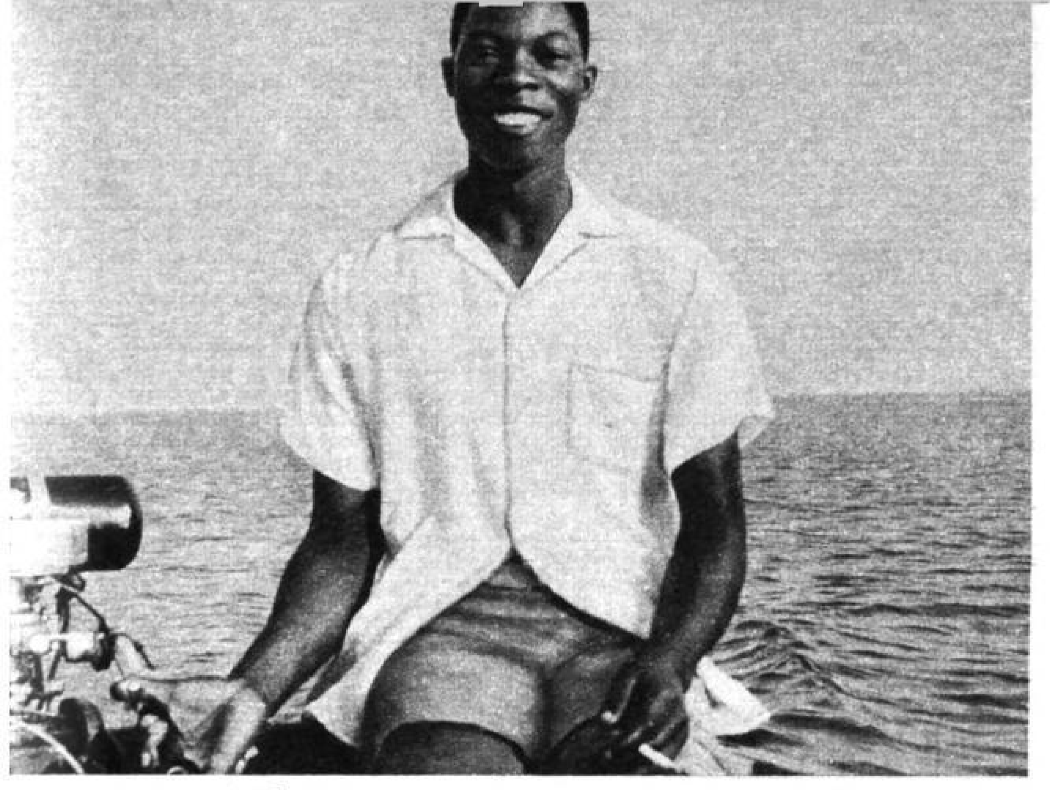
Недавно вся семья собралась в Бендерах, в здании школы-интерната. Дети встретили цветами Степаниду Семеновну и Георгия Аксентьевича Шереперов и провели их в актовый зал. Здесь состоялась церемония вручения паспортов Валентине, Виктору, Александру и Борису. В торжественно убранном зале — учителя, родственники ребят, представители общественности города.

П. БАЛАН

На снимке: Близнецы — Александр, Валентина, Борис и Виктор Шереперы.

Фото автора.

На реке Замбези.

Карибское озеро и плотина.

Это городские кварталы. Домики, рассчитанные на одну семью, стилизованы под хижину.

Африканская республика Замбия образовалась совсем недавно, в 1964 году. Она возникла на развалинах искусственно созданной колонизаторами Федерации Родезии и Ньясаленда. За прошедшие годы республика окрепла, сделала первые шаги как самостоятельное государство.

Замбия — страна сказочных богатств. По добыче меди, например, она занимает одно из первых мест в мире. Однако пройдет еще немало времени, прежде чем замбийцы покончат с тяжелым наследием колониализма. В стране разработаны и претворяются в жизнь планы промышленного и сельскохозяйственного развития, планы создания национальных кадров и улучшения жизненного уровня африканского населения.

На территории Замбии находится одно из чудес света — водопад Виктория. Он выше и шире Ниагарского. С головокружительной стодвадцатиметровой высоты бросается вниз красавица Замбези и разбивается на мириады брызг. Они столбом вздымаются к небу и, отражая в себе солнце, перекидывают с одного берега ущелья к другому разноцветный мост радуги.

Столица республики Лусака — очень молодой город. В нем живут всего 118 тысяч человек. Улицы города тщательно спланированы, они вытянуты прямыми зелеными стрелами. Правительство довольно энергично ведет жилищное строительство. Выросли целые кварталы домов. Через торговый центр города протянулась широкая улица Кайро роуд, переходящая в трансконтинентальное шоссе, соединяющее Каир на севере континента с Кейптауном на юге.

Неподалеку от Лусаки к юго-востоку раскинулось Карибское озеро — огромное искусственное водохранилище площадью 20 тысяч квадратных миль. Его гигантскую чашу запирает высоченная плотина. Отсюда рукой подать до южнородезийской границы. Перед границей плакат «Добро пожаловать в Южную Родезию». Но не будьте наивны! Мало кому из иностранцев удается попасть в эту страну. В Южной Родезии томятся 4 миллиона африканцев, лишенных элементарных человеческих прав, подвергающихся дискриминации.

Под плотиной на родезийской территории глубоко под землей расположена мощная ГЭС (600 тысяч киловатт). Расистское правительство Яна Смита, пользуясь тем, что в его руках находятся рубильники этой электростанции, питающей током замбийские предприятия медного пояса, всячески шантажирует молодую африканскую республику. Однако можно с полной уверенностью сказать, что не всегда хозяевами соседней с Замбией страны будут расисты.

НАСЛЕДНИКИ СТАРЫХ МАСТЕРОВ

«Почтальон», «Торговка», «Крестьянин» — эти трогательные и забавные фигурки из фарфора восхищали ценителей изящного в прошлом веке. Создали их на гарднеровской фабрике по гравюрам журнала «Волшебный фонарь».

Немало лет прошло с той поры. Бывшая гарднеровская фабрика стала Дмитровским фарфоровым заводом и сейчас отмечает свою двухсотую годовщину, 25 лучших работников награждены орденами и медалями СССР.

В 30-х годах нашего века тут была организована художественная лаборатория, которая внесла немалую лепту в создание новых образцов отечественного фарфора. Тесно сотрудничал с заводом известный советский скульптор С. М. Орлов. Именно здесь родились его фарфоровые группы «Александр Невский» и «Сказка».

Изделия с маркой Дмитровского фарфорового завода не залеживаются на прилавках. Оригинальная форма, гармоничная расцветка, мастерство исполнения — все это привлекает покупателей.

Сейчас на заводе разработаны сувениры к XXIII съезду КПСС.

Фото В. Кузьмина.

Тысячи граней кристалла

КАК РАСТЯТ ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Ирина Казимирова, которая смотрит на вас с этой цветной фотографии, одна из тех, кто выращивает драгоценные камни. Я не оговорился. Именно выращивает, подобно тому как цветовод растит диковинную розу, а биолог — нужную ему культуру ткани.

Даже мы, научные сотрудники, для которых сапфир или рубин совсем не чудо природы, а всего-навсего монокристаллы, не можем иной раз отвести восхищенного взгляда от самоцветов. Ведь эти ные внимательно следят за его ростом, регулируют температуру, давление подаваемых газов, положение затравки. Примерно подобным образом идет рост кристаллов для рубиновых лазеров, о волшебных свойствах которых не знают сейчас разве что дети.

ЛОВУШКИ НЕВИДИМЫХ ЛУЧЕЙ

В январе прошлого года группе сотрудников института под руководством А. Н. Пановой была выдана приоритетная справка на интересное и важное открытие. А ные ископаемые дают радиоактивное излучение, и по числу и характеру частиц геолог определяет, где и что именно залегает в недрах земли: железная руда или уголь, марганец или олово.

Однако в работе даже этого чудодейственного кристалла обнаруживались недостатки. На воздухе он очень быстро покрывается белым налетом, теряет прозрачность, подвержен действию температуры и влаги. Поэтому, как правило, его хранят в герметичных контейнерах. Кроме того, таллий — сильный яд, и даже мельчайшая добавка его делает монокристалл токсичным.

кристаллов прибавился еще один, рожденный в Харькове, в нашем институте.

ПРОЗРАЧНЕЕ КАПЛИ РОСЫ

Что может быть прозрачнее ключевой воды, капли росы, вымытого стекла? Однако в лаборатории оптических и акустических монокристаллов созданы вещества еще прозрачнее. Новые материалы пропускают не только видимые глазом лучи света, но еще и невидимые. А это очень важно для многих отраслей науки и техники, в том числе для астрофизики. Например, пытаться уловить

кроваво-красные рубины, зеленовато-сиреневые александриты, синие сапфиры, сиреневатые аметисты, желтые топазы, переливающиеся всеми цветами радуги, не подделка, не заменители, а самые настоящие драгоценные камни. Только созданы они не в подземной мастерской, а в лаборатории человека абсолютно по тому же образу и подобию, но уже без опечаток, которые часто допускает природа.

Кажется почти невероятным говорить о сырье для создания драгоценных камней. Но ничего не поделаешь: ведь и бог земных недр Вулкан создает их в природе и мы, ученые, в лаборатории — в основном из окиси алюминия. Если к ней добавить окись ванадия,— получится александрит, зеленоватый днем и розовато-сиреневый вечером, если окись хрома — рубин, окись никеля — желтый восточный топаз.

Рост кристалла идет в электропечах при очень высоких температурах. А на затравку дается крохотный кусочек определенного драгоценного камня. Это как команда, как приказ молекулам расплавленного вещества, заставляющий их кристаллизоваться в определенном порядке, по уже известной схеме. Иными словами, кристаллик рубина или сапфира приказывает подающейся сверху расплавленной шихте: «Стройся, как я!» И рост кристалла идет в уже заданном направлении. А уче-

спустя почти полгода в «Physics Letters» появилась публикация с подобном же открытии ученых из Боннского института кристаллографии. Что же это за открытие? И почему именно в этом направлении работала мысль ученых, занимающихся кристаллами?

Исследователи давно обратили внимание, что некоторые монокристаллы обладают замечательным свойством. Стоит им попасть в область какого-либо излучения — рентгеновского, ультрафиолетового, радиоактивного,— как они начинают светиться каким-то космическим, холодным, голубоватым или зеленоватым светом. Вещества назвали сцинтилляторами. Едва уловимое свечение можно обнаружить и даже измерить фотоумножителями. Сейчас их используют в самых различных областях науки и техники. В современной физике чуткий счетчик атомных частиц совершенно необходим. Счетчик можно установить на космическом корабле, опустить в глубокую скважину, запрятать на морское дно. И везде он будет точно и лаконично рассказывать об излучениях, встретившихся на его пути.

Таким является монокристалл йодистого натрия с добавкой таллия, или, как говорим мы, активированный таллием,—этот поистине чудодейственный кристалл, разведчик недр, позволяющий геологам вести разведку даже с самолетов и вертолетов. Многие полез-

Исследователям были известны и другие вещества, обладающие подобными свойствами. Например, монокристаллы йодистого цезия, активированные таллием. Эти кристаллы очень пластичны, переносят любые нагрузки и температуры, не боятся воды, но — увы!— они не столь чутки к излучениям. И, кроме того, светятся они не синим светом, к которому чувствительны все фотоумножители, а желтоватым, что создает неудобства в работе. Поэтому ученые решили заставить монокристаллы с основой цезий—йод лучше воспринимать излучения и светиться не желтым, а голубоватым светом. Над этим вопросом стали работать и в Харькове, в нашем институте. Научные сотрудники под руководством А. Н. Пановой испытали сотни комбинаций, и наконец родился новый сцинтилляционный монокристалл йодистого цезия с добавкой не таллия, как было всегда, а натрия.

Кристалл уже проверен в работе. Он прочен, не боится колебаний температуры, влаги, больших механических нагрузок. И, кроме того, он неядовит, нетоксичен. «Хоть в борщ клади»,— смеются сотрудницы лаборатории. А излучение новый кристалл улавливает удивительно чутко и мгновенно вспыхивает не желтым, как было раньше, а голубоватым светом.

Так в семье сцинтилляционных

некоторые излучения далеких галактик при помощи обычных телескопов так же бессмысленно, как читать, отгородившись от лампы деревянной доской. И тут на помощь астрофизикам приходят монокристаллы.

В лаборатории, которой руководит кандидат физико-математических наук И. В. Смушков, создан своеобразный рекордсмен — монокристалл фтористого лития. Этот выращенный в институте монокристалл-гигант обладает самой большой прозрачностью для ультрафиолетовых лучей из всех известных нам оптических материалов. Исследователи Вселенной с помощью линз из кристаллов фтористого лития смогут наблюдать источники излучения, невидимые в обычные телескопы, глубже познавать мир.

А вот еще одна грань монокристаллов, которая открылась ученым сравнительно недавно.

Всем известна обыкновенная поваренная соль, без которой человек не может прожить и дня. Так вот оказывается, что монокристаллы хлористого натрия (поваренной соли) обладают замечательной способностью задерживать электромагнитные колебания, предварительно преобразованные в ультразвук.

Попав в кристалл, звуковая волна некоторое время как бы бегает там из угла в угол, проходит определенное расстояние, задержавшись на необходимые исследова-

Научные сотрудники Н. М. Грачев и З. С. Будник разрабатывают новые виды пластмассовых материалов, улавливающих радиоактивное и ультрафиолетовое излучение.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Ирина Казимирова — одна из тех, кто растит драгоценные камни.

От создания переливающихся волшебными красками люминофоров и огромных пластмассовых сцинтилляторов до драгоценных корундов — таков диапазон работы Всесоюзного научно-исследовательского института монокристаллов.

Студентка ГИТИСа А. Жмакова, исполняющая главную роль в дипломном спектакле «Воскресенье в Риме».

Фото Е. УМНОВА.

телям сотые или тысячные доли секунды. Подобные линии задержки применяются сейчас для борьбы с помехами, возникающими в атмосфере, становятся неотъемлемой частью очень многих радиотехнических устройств.

НОВЫЕ ПРОФЕССИИ СВЕТЛЯЧКОВ

На машиностроительных заводах можно теперь увидеть несколько необычную, как показалось бы совсем недавно, работу сотрудников ОТК. Контролеры наносят на детали слой какой-то бесцветной жидкости, смывают ее, а затем внимательно разглядывают деталь под лампами ультрафиолетового света. Если вдруг на поверхности детали станет видна тоненькая золотая с зеленоватым отливом ниточка,— значит, брак. Помогает найти эту тоньше сотой и тысячной доли волоса трещинку так называемая люминесцентная жидкость, созданная в нашем институте под руководством доктора химических наук Б. М. Красовицкого.

О холодном свете — способности некоторых веществ превращать различные виды энергий в световую — известно в общем-то очень давно, тысячи лет. Вспомните светлячка, мерцающую в темном лесу гнилушку. Однако использовать это явление в науке и технике стали сравнительно недавно. Наша лаборатория разрабатывает рецепты получения новых люминофоров различных цветов свечения, стремится установить связь между строением органических молекул и их способностью светиться — флуоресцировать. Так мы получаем вещества с уже заранее заданными свойствами. А применение их в самых различных областях промышленности очень велико.

Вот пластмассовые изделия удивительно ярких расцветок. В состав краски вошли люминофоры. Они не только сделали цвета более сочными и чистыми, но и значительно увеличили срок службы изделий. Известно, что ультрафиолетовые лучи разрушают полимеры, сокращают время их жизни. Люминофоры же поглощают ультрафиолет, преобразуя его в безвредные для полимеров лучи видимого света.

Несколько мотков пряжи. Тонкая капроновая нить чуть переливается сине-зелено-золотистым цветом. Стоит к ней поднести лампу ультрафиолета, как она начинает сверкать, точно драгоценная парча.

Два куска белого ацетатного шелка. Один из них кажется чуть жухлым, другой отливает снежной белизной. Над вторым куском ткани поработал люминофор-отбеливатель.

Таково применение молекул-светлячков в быту. В науке и технике диапазон их действия еще шире.

Сцинтилляционные пластмассы с примесью люминофора, регистрирующие радиоактивное излучение, нужны и медикам и геологам.

Люминесцентными красками маркируют самолеты и окрашивают дорожные знаки. Это ДФК — дневные флуоресцентные краски. Ими же начинают писать дневные рекламы. Видимость повышается в два-три раза. Дело в том, что в солнечном свете содержатся и ультрафиолетовые лучи, которые вызывают дополнительное свечение основной краски.

Казалось бы, совсем далекая от люминофоров область — строительство дамб или очистка дна гаваней от песка. И тут они выступают как исследователи и работники. Люминесцентными веществами метят песок. Под действием ультрафиолетового света такую меченую песчинку можно узнать из миллиарда других. А уже по ее положению строители делают вывод о направлении движения песка. Так же можно исследовать пути воздушных потоков. Люминофор становится и метеорологом.

ГРАНИ МОНОКРИСТАЛЛОВ

В нашем институте устроена сейчас небольшая выставка кристаллов-работников. Тут и драгоценные самоцветы и пластические сцинтилляторы, похожие на огромные кольца. Их можно сложить друг на друга, и человек во весь рост поместится в образованном колодце. Это нужно медикам, чтобы наблюдать в организме человека путь, скажем, меченого атома бария, совершенно безвредного для больного, но позволяющего врачам определить недуг. На полках стоят разведчики космоса и земных недр, сверкают красотой рубиновые стержни для лазеров. Монокристаллы как бы раскрывают перед вами многогранность своей натуры.

Наиболее мощным их заказчиком стала теперь радиоэлектроника. Любовь к кристаллам вспыхнула у нее давно, когда громоздкие, капризные и недолговечные радиолампы стали заменяться полупроводниками — германием и кремнием.

Научные разработки, конечно, сами по себе исключительно ценны. Но есть у нас и отделы, которые считают в рублях и копейках, во что обойдется та самая кривая, которую начертили ученые, или химическая формула, написанная на листке бумаги. Правда, надо сказать, что экономический эффект удается все-таки подсчитать не всегда. Например, как определишь прибыль от использования пластичных сцинтилляторов в медицине, где речь идет о здоровье человека? И все-таки многое удается подсчитать. Экономический эффект только семи тем из тридцати, которыми занимается наш институт, составил больше трех миллионов рублей.

Подсчеты абсолютно точны, когда речь идет о материалах, внедряемых в промышленность. А таких у нас немало. Особенно большую прибыль даст государству люминесцентная дефектоскопия. Представляете, как важно не допустить брак, заблаговременно найти трещину в детали! А если трещина, например, в лопасти турбины?

Институт поддерживает связь со ста десятью машиностроительными заводами, которые заинтересовались нашим изобретением. Но— увы — применяется люминесцентная жидкость пока лишь на десяти из них. Почему? Не могли мы пробить промышленное производство люминесцентной жидкости. Не было централизации, заедали, как говорится, ведомственные интересы. Теперь, с созданием соответствующих министерств, дело пошло на лад. С этого года начинается промышленный выпуск ЛЖ-1 и ЛЖ-4.

Однако вернемся к кристаллам. Сейчас сотрудники лаборатории полупроводниковых материалов под руководством Л. А. Сысоева выпустили на арену новый кристалл, как бы рожденный специально для работы в радиотехнике и электронике. Было открыто, что сернистый кадмий обладает совершенно потрясающей способностью усиливать ультразвук. Пропуская ультразвук через кристалл размером лишь в один сантиметр, можно усилить его интенсивность в тысячу раз! Нет сомнения, что такие усилители в корне изменят облик радиотехники, упростят, удешевят и повысят надежность многих приборов. Пока это — дело будущего, но в лаборатории полупроводниковых монокристаллов уже ведутся исследования с сернистым кадмием. Ученых этот монокристалл, внешне похожий на куски прозрачного янтаря, прельщает широтой диапазона своих свойств. По сравнению с классическими полупроводниками—германием и кремнием— сернистый кадмий может работать при высоких температурах — 300—400°. Он хороший полупроводник, пьезоэлектрик (превращает механическую энергию в электрические заряды) и к тому же по своим свойствам в определенных условиях близок к изолятору. Словом, это кладезь черт, ценных для радиотехников и электронщиков.

Тут же рожден еще один монокристалл, которого тоже ждет блестящая карьера. Это сернистый цинк, белый, прозрачный, напоминающий куски слюды, только толстые и твердые, как стекло. Монокристалл обладает способностью светиться под действием электрических полей.

Это уже из области будущего, но, может быть, из него стоит попробовать сделать прозрачный экран телевизора, который удастся заставить светиться в любой точке. В принципе тогда не нужна будет телевизионная трубка, и сам ящик станет плоским, как тонкая книга или тетрадь...

...Вот, оказывается, сколько граней у веществ, состоящих из одного-единственного кристалла!

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

«Воскресенье в Риме» вы можете увидеть в любой вторник в Москве. Почему именно во вторник? Да видно так сложилось расписание занятий на отделении музкомедии, что этот день у дипломников самый легкий — ни танцев, ни вокала, ни мастерства, только лекции — сиди спокойно и слушай. А уж вечером в Учебном театре на спектакле танцуй и пой во всю мощь своих легких, играй, старайся — покажи, что пять лет в театральном институте провел не зря.

«Воскресенье в Риме» — современная итальянская оперетта. Ее герои — знаменитая кинозвезда, прославленный кинорежиссер, министр, но будем точны: все это действующие лица, а не герои. Герои же — девчонки и мальчишки вот этого, а может быть, того, да любого двора, из тех, что на окраине Рима. Они веселятся, поют, танцуют — иначе не было бы оперетты,— и думают, всерьез, искренне думают о жизни, о тех бесчисленных дорогах, которые лежат перед юными, и о той единственной, что надо выбрать. А выбрать ох как трудно!

Вот школьный учитель Ренато Туцци. Он уже выбрал свой путь, и, казалось бы, что может быть благороднее, но бедность неотступно следует за ним, а она попутчица невеселая. И Ренато совсем загрустил бы, если бы не любовь — трогательная, наивная, целомудренная и возвышенная, любовь его к дочке владельца кабачка Недотроге, в которую влюблены все красавцы квартала. А учитель неказист, скромен, тих, правда, сердечен. Об этих его чертах написано даже в либретто, но попробуй сыграть их, да еще в оперетте, да еще, когда это твоя первая роль. Но воспитанник Ашхабадского детского дома Володя Кирин знал, что делал, когда выбирал свою дорогу, поступал в Государственный институт театрального искусства, и исполнение его очень радует и зрителя и педагогов.

Ну, а Джованна — Недотрога? Как угораздило ее — королеву квартала — стать героиней трогательной, немного смешной и даже грустной любовной истории, ведь лучшие парни домогались ее улыбки, взгляда...

Антонина Жмакова, которая играет Недотрогу — и играет весело, озорно, с настоящим темпераментом,— в то же время раскрывает в ней подлинную чистоту, стремление к большой, настоящей, возвышенной любви, стремление к добру, красоте, гуманности. У дебютантки хватает на это красок, причем красок опереточной палитры, только без штампов, которые мы часто принимаем за особенность жанра.

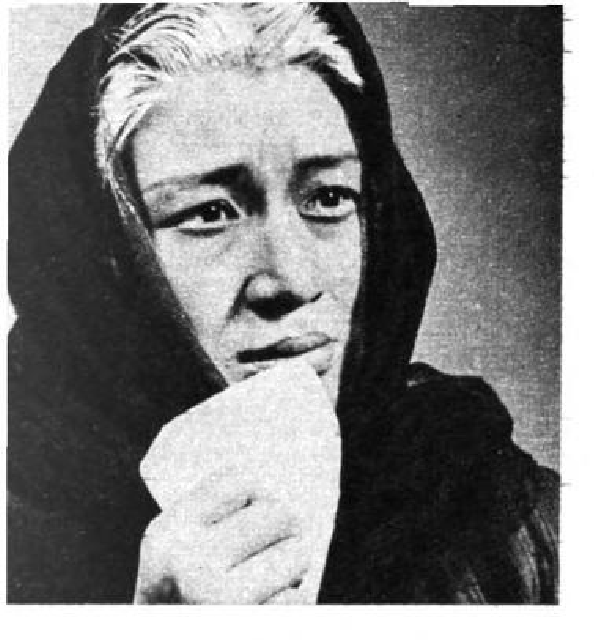
Конечно, во всем этом заслуга в первую очередь художественного руководителя курса и постановщика спектакля народного артиста СССР Покровского, который поставил оперетту так, что ни один дуэт, соло, хор не звучит как вставной номер, хотя сам по себе каждый музыкальный кусок сделан ярко, выразительно, с выдумкой и мастерством. Веселый или лирический разговор очень органично переходит в пение, пение — в танец. Все это так естественно для того, кто молод, кто полон жизни и энергии.

А энергии у них хоть отбавляй.

На 4-м курсе, когда только начали работу над этой опереттой и Тоне Жмаковой поручили главную роль, ее пригласили сниматься в кино, и тоже на главную роль. Ну как тут отказаться? Зная Тонину работоспособность, педагоги разрешили: все годы отличница, справится. Три месяца продолжалась киноэкспедиция, а когда наступила сессия, комсомолка Тоня Жмакова, как всегда, сдала все экзамены на «отлично», в том числе и экзамен по мастерству актера — исполнение роли Джованны.

И вновь доказала, что дорогу выбрала правильную!..

И. ВЕРШИНИНА

Фарида Шарипова в роли Толгонай.

ДЛЯ ПРОСТОГО ЗЕМНОГО СЧАСТЬЯ...

Динора БАИТЕРЯКОВА

Узнав, что роль старой Толгонай поручена Фариде Шариповой, все в труппе очень удивились: Шарипова — молодая актриса, недавно только окончила театральный факультет Казахской консерватории, да и в театре, недавно, и вдруг — такая роль...

Конечно, Фарида мечтала принять участие в новом спектакле «Материнское поле» по повести лауреата Ленинской премии Чингиза Айтматова. Но мечтала о роли юной Алиман.

А ей предстояло сыграть Толгонай.

Толгонай потеряла на войне всех близких — мужа и трех сыновей. Умерла и любимая невестка — Алиман, оставив крохотное существо, маленький росточек жизни, мальчика, рожденного в горе, не от любимого человека. Толгонай приняла его как внука, сосредоточив на нем всю ласку, любовь и нежность, которые не успела отдать сыновьям...

Когда я спросила режиссера спектакля Азербайджана Мамбетова, почему он предложил эту роль Фариде, он ответил: «В Толгонай я хотел показать не страдания старой женщины, а ее неумирающую молодость; она любит жизнь. Каждый раз, когда Толгонай теряет то единственное, что, казалось, привязывало ее к жизни, она снова ищет и находит в ней свое место. В Фариде я увидел сильный характер, большую волю, сдержанность и глубину чувств. Поэтому возраст актрисы не смутил меня».

И вот мы в Казахском академическом театре драмы на спектакле «Материнское поле», в котором роль Толгонай играет Фарида Шарипова.

С портала спускается ветка цветущей яблони — символ весны, символ никогда не умирающей жизни. Опираясь на толстую суковатую палку, на сцену выходит Толгонай. Из-под белого платка выбиваются седые пряди, в глазах глубокая печаль, в голосе — страдание. Толгонай обращается к матери-земле — свидетельнице радости и горя всей жизни своей.

На мгновение затемняется сцена, актриса опускает голову, и в следующий момент мы видим Толгонай совершенно преображенной, молодой. Она вспоминает юность и первую любовь — Суванкула. Здесь, на этом поле, нашла она свою судьбу...

Голос мужа звучит для нее эхом далеких, счастливых лет. И вот стоит она, окруженная сыновьями,— все они высокие и большие, ее мужчины. Рядом с ними мать кажется такой хрупкой, а во взгляде ее безмерное счастье и ласка. Но эти картины быстро отступают; на смену им являются совсем иные... День прощания с Суванкулом — он уходит на фронт. Уронила женщина голову на стол, и раздались тяжелые, несдерживаемые рыдания.

Продолжая свой рассказ, Толгонай-Шарипова на ходу надевает телогрейку, туго подпоясывается — и она уже другая. В движениях нет прежней мягкости, женственной робости. И голос и жесты стали резче, упрямее. Но заметнее и морщины на лице и седые пряди. Толгонай рассказывает о самом страшном дне, когда пришло известие о гибели мужа и сына Касыма.

Режиссер А. Мамбетов смело прерывает публицистические монологи Толгонай бытовыми сценами, но это не нарушает публицистического строя спектакля. Чем ближе события рассказа к сегодняшнему дню, тем обобщеннее становится характер героини. Горе женщины, страдание матери правдиво раскрывает молодая актриса Фарида Шарипова. Прижимая к груди солдатскую шапку погибшего сына, опускается Толгонай на колени, и в зале звучит суровый голос: «Я склоняю голову перед героями и перед сыном своим Маселбеком, славой которого горжусь. Но ничто, никакая слава не может мне возместить его живого. Пусть спросят любую мать,— никакая мать не мечтает о такой славе. Матери рожают детей для жизни, для простого земного счастья...»

Высокой патетики достигает монолог матери, потерявшей сына. В финале спектакля воспоминания Толгонай прерывает звонкий мальчишеский голос: «Бабушка!» Опершись на палку, тяжело поднимается Толгонай навстречу внуку и медленно с доброй улыбкой идет с ним, величественная и гордая...

Режиссер А. Мамбетов не ошибся в Фариде: она раскрыла богатую душевную силу Толгонай, ее мужество, любовь к людям и жизни. Психологически глубокие образы Чингиза Айтматова оказались близки актрисе. В 1962 году она сыграла Джамилю в одноименном спектакле и там тоже раскрыла незаурядный характер женщины, завоевавшей право на большую и чистую любовь. Когда Фарида играла Джамилю, ее муж, Индрис Ногойбаев, артист того же театра, снимался в фильме по повести Ч. Айтматова «Первый учитель».

— Может быть, поэтому,— шутит Фарида,— нашего сына мы назвали Чингизом. Сейчас ему десять месяцев...

За исполнение роли Толгонай Фарида Шарипова, как и другие создатели этого спектакля, выдвинута на соискание Ленинской премии.

НЕСТАРЕЮЩАЯ АКТРИСА

Это народная артистка республики Зайтуна Бикбулатова. Более тридцати лет выступает она на сцене. Ее Лауренсия, Дездемона, Анна Каренина, Лариса из «Бесприданницы», Таня в одноименной пьесе Арбузова давно полюбились зрителю.

Актрисой вне поколений называют Бикбулатову в Уфе, где прошел весь ее творческий путь, где и сегодня она по-прежнему радует зрителей своим искусством.

Недавно Башкирский академический театр драмы привозил в Москву три лучших своих спектакля, в двух играла Бикбулатова. Глубоко психологические и очень разные образы матерей создала талантливая актриса: Танкабика в пьесе М. Карима «В ночь лунного затмения» и Зайнаби в пьесе «Седые волосы моей матери» молодого башкирского драматурга А. Мирзагитова.

П. СИТАЛЕВ

На снимке: З. Бикбулатова в роли Танкабики.

Мартовский «козел». Рисунок В. Жаринова.

— Еще раз простирну и буду сушить... Рисунок Г. и В. Караваевых.

— Предупреждала: не пей лишнего. Рисунок А. Грунина.

Киевская «Антигона»

Этери ГУГУШВИЛИ

Медленно гаснет свет в зрительном зале, и так же медленно зажигаются светильники на парапете у дворца Креонта. Вырисовываются контуры удивительно цельной и стройной конструкции: лестница, огибающая полукругом сцену, площадка, высвеченная изнутри... Видно, что режиссер и художник добивались именно этого впечатления — величественности и легкости одновременно. Торжественно звучит музыка, возвещающая о выходе Креонта, победителя...

Так — утверждением могущества Креонта — начинается «Антигона» в Украинском театре имени Ивана Франко. Режиссеру это принципиально важно. Чем сильнее противник, тем ощутимей непреклонность Антигоны, вступившей с ним в борьбу.

«Антигона» — спектакль о подвиге, о высоком моральном превосходстве человека над миром насилия и зла. О высоких принципах, о гордости, о бескомпромиссности, способной до конца отстаивать свои убеждения — пусть даже ценою жизни. Решение этой темы — одна из самых сильных творческих сторон спектакля киевлян; в ней секрет его подлинно современного звучания.

Трагедия Софокла «Антигона» поставлена на украинской сцене мастерами грузинского театра; постановщик спектакля, режиссер Димитрий Алексидзе и художник Парнаоз Лапиашвили, композитор Отар Тактакишвили — создатели прославленного спектакля «Царь Эдип».

Вместе с хореографом Ю. Зарецким они создают произведение, созвучное нашей эпохе, вовсе не стремясь к чисто внешнему воскрешению древнеаттического спектакля. Их увлекает идея создания спектакля героического, мужественного, эпического, где переплетались бы возвышенные, патетические порывы и страсти с глубокой психологической правдой и человечностью.

Именно такое переплетение составляет также суть актерского исполнения.

Молодая актриса Светлана Коркошко, играющая Антигону, соединяет в облике своей героини необыкновенную женственность с неженской силой характера; в ней — обаяние молодости и мужество бойца.

Свершив свой подвиг, Антигона-Коркошко идет на смерть. Она сняла траур по умершим братьям. Облаченная в белую тунику, Антигона торжествует победу над Креонтом. Вот простерла она руки к небу, словно хочет в последний раз насладиться жизнью. Для нее сейчас все значительно: и благоухание природы, и луч солнца, и даже полет букашки... Она не жалуется. Грозно, величественно звучат ее последние слова, обращенные к народу. Несломленной, несдавшейся останется Антигона в памяти зрителей...

В спектакле Д. Алексидзе бурлят контрасты. Они запечатлены во взлетах и падении Креонта (А. Гашинский), в сложной гамме настроений Исмены — сестры Антигоны (М. Герасименко), в патетическом, неистово исступленном и вместе с тем земном материнском горе Эвридики (О. Кусенко).

Темпераментную, грозную и мелодическую музыку создал О. Тактакишвили.

...Медленно угасают, возвещая о финале, горящие светильники; спектакль о трагической судьбе дочери Эдипа окончен...

Огромную работу проделал коллектив франковцев, создав монументальное зрелище, в котором чудесно воплотилось творческое содружество Украины и Грузии.

На снимке: С. Коркошко в роли Антигоны, Исмена — М. Герасименко.

О СУДЬБАХ ЖЕНСКИХ

Самые разные подарки получат женщины ко дню 8 Марта. А есть подарок общий, один для всех. Его подготовила киностудия имени М. Горького. Это новый широкоэкранный художественный фильм. Он так и называется — «Женщины».

Писательница Ирина Велембовская написала новеллу о женских судьбах. Современность, правдивость рассказа, психологическая глубина переживаний героев — все это живо заинтересовало сценариста Б. Метальникова, а потом и режиссера П. Любимова. С явным увлечением отнесся к острой, серьезной теме, пронизанной, однако, и юмором и сердечным размышлением, весь постановочный коллектив. Не удивительно, что в картине оказалось так много актерских удач! Особенно покоряют зрительские сердца, вызывая живой ответный отклик в зале, исполнительницы главных ролей — И. Макарова и Н. Сазонова.

Инну Макарову знают все, это популярная актриса. В картине «Женщины» сначала даже не верится, что нескладная деревенская девчонка Дуська, пришедшая в город на поиски своей судьбы этакой золушкой — нянькой, тоскующей возле детских колясочек,— и Инна Макарова — один и тот же человек... Актриса играет свою Дуську так, что она вызывает у зрительниц сочувственное понимание, уважение, усмешку, сожаление и желание помочь...

Столь же достоверен и образ Кати Бедновой. Только Катя вызывает уважение, признание; каждому захочется, чтобы его так же любили, уважали друзья, как любят Катю, эту славную, умную женщину.

Кадр из фильма. Катя — Н. Сазонова и Женя, ее сын,— В. Соломин.

Нина Афанасьевна Сазонова сыграла уже много ролей. Но вот бывает так: образ председателя месткома, работницы Кати Бедновой стал настоящей, крупной удачей актрисы. Ее Катя — представитель активной, лучшей части рабочего класса, коммунистка. Актриса рисует образ героини мягко, тепло, наполняя его изнутри всем пережитым. Фильм «Женщины», несомненно, сделает широко известным имя Сазоновой.

Кате Бедновой веришь во всем: она добра и отзывчива без слащавой сентиментальности, положительна без ходуль. Пусть и ей случится ошибиться — она сумеет поправить ошибку!

Вот отсюда и удача.

Радостно, что она пришла ко всей студии. Зрительницы благодарят ее за хороший подарок.

Н. ЖЕЛЕЗНЯКОВА

— Все-таки я достал тебе цветы.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

— Возвращайся скорее, он не пьет, не ест.

Рисунок В. Тамаева.

СЕКРЕТ ПОПУЛЯРНОСТИ

А. Тарасова в роли Софьи Ивановны, Евстолия — Е. Королева.

Фото А. Гладштейна.

Взгляните на афишу драматического театра вашего города, и вы наверняка увидите название пьесы: «Чти отца своего...» В. Лаврентьева. Ее поставили более ста театров. А зрителей, посмотревших спектакли, наверное, придется считать семизначными цифрами...

Чем же полюбилось произведение, где как будто нет неожиданных, остросюжетных поворотов интриги, модных в нынешней драматургии наплывов: появлений героев из прошлого или будущего; нет молодых людей, против чего-то протестующих, куда-то зовущих, а куда, они, пожалуй, и сами не знают... Здесь все обыденно и по-житейски понятно. Простая рабочая семья, трое детей: дочь и два сына, один из них, старший, Максим, неродной. Наступает минута, когда эта тайна раскрывается...

Моральные проблемы всегда волнуют, особенно если перед нами настоящие, живые, узнаваемые люди. И закономерно, что пьеса хоть и с опозданием, но все же появилась на столичной сцене — в Московском Художественном театре.

Реалистическое звучание произведения во многом определило характер режиссуры И. Тарханова — руководитель постановки Б. Ливанов — и замысел оформления художника А. Понсова. Все здесь достоверно, добротно. Можно подняться на террасу, пройти по обжитому, уютному дому. Тверды, неколебимы устои рабочей семьи Кичигиных; отношения складываются по-честному — откровенно и прямо, и все друг за друга. Сразу ощущаешь атмосферу общего доверия, уважение интересов другого человека. А у каждого из Кичигиных свои заботы и думы, свой сложный внутренний мир...

Полвека трудовой жизни за плечами главы семьи Трофима Кичигина. В исполнении М. Болдумана Кичигин — радивый хозяин; годы ссутулили спину, но руки по-прежнему сильны. И глаза все видят. Пришло время переселяться семье из старого дома, разойдутся люди по разным углам; как-то будет жить Максим — не ладится у него личная жизнь. И о работе молчит, хотя знает Трофим: сын его не последний человек в своем деле! А как не тревожиться за дочку Ирину: приглядеться надо к жениху, щеголеватому строителю... Самый младший — Севка — еще при доме, да появилась и у него зазноба, девчушка Евстолия...

Трофим-Болдуман сосредоточен и скуп на слова. Но с такой человеческой и, я бы сказал, партийной правдой создан образ, что человек этот входит в сознание как близкий друг, с которым приходилось встречаться, а то и дружить.

Вглядевшись в Софью Ивановну А. Тарасовой, также удивительно легко представляешь себе все то, что пережито ею, что отдано детям... Сила любви — главная черта ее характера.

В спектакле «Чти отца своего...» заняты все поколения артистов Художественного театра. И радостно видеть, что рядом с завершенным мастерством, глубиной, человечностью образов А. Тарасовой, М. Болдумана, Н. Шавыкина, А. Жильцова так весело и свободно чувствует себя молодежь.

Первые выступления на сцене — всегда событие, праздник. Такой праздник сейчас и у Всеволода Абдулова и у Севки — его славного героя. Радует Е. Королева — Евстолия, Н. Алексеев — Максим.

Хорошие, добрые мысли и чувства пробуждает спектакль. Вероятно, в стремлении к хорошему и кроется секрет популярности, которую снискала пьеса. И того большого успеха, который сопутствует спектаклю МХАТ.

Н. ПУТИНЦЕВ

ПРОВОЛОЧНЫЕ ИЗГОРОДИ ДЖАРРАБИНА

Дороти ХЬЮЭТТ Рассказ Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Дороти Хьюэтт — прогрессивная австралийская писательница, родилась в 1923 году. Советскому читателю известна по роману «Крутится веретено» («Молодая гвардия», 1962). Д. Хьюэтт — большой друг Советского Союза; в прошлом году вместе с другими австралийскими писателями она гостила в СССР.

В одиннадцать лет я была длинноногим, с тощими косицами созданием, пугливым, как кенгуру. Когда на ферму к отцу приезжали гости, мы с сестрой обычно прятались в русле пересохшего ручья и сидели там, пока они не трогались в обратный путь.

В тот год родители продали ферму и переселились в небольшой провинциальный городок. Две улицы с мостовыми, посыпанными рыжим гравием, и одна асфальтированная, несколько десятков крыш из рифленого железа под высокими тонкими эвкалиптами да скалистый холм на окраине — вот и весь Джаррабин. В городке имелся невзрачный трактирчик и ратуша с колоннами по фасаду, возведенная из залегавшего в окрестностях гранита, две большие лавки и кооперативный магазин. Обе лавки и гараж, так же как и добрая четверть крытых рифленым железом домов, что карабкались вверх по холму, принадлежали моим родителям; и поскольку плату за квартиры они брали наивысшую и ремонт делали лишь в том случае, если их под угрозой суда вынуждало дорожное управление, то станет понятным, почему мы с сестрой не пользовались особым расположением горожан.

Мы стали учиться в школе на окраине горо-

да, вместе с четырьмя десятками других ребятишек, а вечерами помогали отцу с матерью распродавать газеты и журналы. Родители владели единственным в округе газетным киоском, и верный доход от киоска ставил их в особое положение перед прочими жителями городка. И сейчас еще мне вспоминаются кипы «Вест-Остралиен», «Вестерн Мэйл», «Праймэри Продьюсер», «Вайолет Мэгэзин» (нечто вроде теперешнего «Тру Конфешн»), ковбойские повести и комиксы... В особенности от одного из комиксов, под названием «Вулл-невидимка», у меня всегда мурашки пробегали по коже.

Мы с сестрой продавали газеты джаррабинским ребятишкам и с гордостью крутили ручку кассового аппарата. Нам казалось, будто мы живем в центре огромного столичного города. Особенно в субботние вечера, когда сюда съезжались фермеры со всей округи — кто в легковой машине или на грузовике, кто в кабриолете, а иные и просто на телеге — в зависимости от степени достатка. Магазин не закрывался до полуночи, отец и мать выбивались из сил, торгуя тканями и бакалеей, газетами и сластями.

Мы, ребятишки, обычно держались в стороне от всей этой субботней суеты; мы только издали следили за машинами, которые стремительно мчались по холмам к Джаррабину, с бешеной скоростью пересекая пустующие участки, продираясь сквозь подлесок; огни их фар слепили нас, словно кроликов, случайно выскочивших из кустов на шоссе.

Гостиницу с ее странными, волнующими запахами и звуками мы старались обходить подальше. Мать была ярой трезвенницей, она воспитала в нас страх перед спиртными напитками и пивными. В свое время наш дед по матери был самым горьким пьяницей в округе; но потом бросил пить, растерял своих старых друзей-собутыльников, а взамен начал копить деньги.

Иногда мы подолгу стояли у темного коридорчика, ведущего в кондитерскую Поля. Это была крошечная лавчонка с окнами в мушиных точках, вся пропитанная запахом залежавшихся дешевых конфет. Хозяин, тощий лысый ирландец с розовым лицом, угощал нас леденцами, потому что арендовал лавку у нашего деда. Круг покупателей Поля был невелик; только аборигены да полукровки заходили в эту лавчонку на окраине Джаррабина. Они знали, что их место здесь, а не на главной улице городка.

Нас с сестрой тянуло сюда по двум причинам: во-первых, из-за леденцов, а во-вторых, потому, что в мягких голосах и приглушенном веселье этих людей было что-то чарующее. К тому времени мы убедились, что нас не любят в городе ни сверстники, ни взрослые. Мы чувствовали себя такими же отверженными, как и семьи аборигенов и их белые родственники,— правда, по другой причине. Нам нравилось субботними вечерами слушать тихие голоса женщин, которые нянчили своих коричневых тонконогих младенцев в тени у лавок. Мы любили смотреть, как светлоголовые, с приплюснутыми носами и печальными карими глазами ребятишки-полукровки швыряли пригоршни гравия в окна лавчонки Поля, пока хозяин визгливо не приказывал им утихомириться.

И ни разу мы не осмелились поиграть с ними вместе, хотя всей душой этого хотели. Стоило одной из женщин окликнуть нас, и мы тут же убегали в темноту и стояли там то на одной ноге, то на другой, белея своими легкими платьицами, не смея переступить грань, отделявшую нас от света, пугливые, словно дикие зверьки. Мы были одиноки — так одиноки, как могут быть только дети, когда они ни с кем не дружат. Раньше, на ферме, мы не замечали одиночества: ведь мы не были отверженными. Зато здесь, где дети всегда ходили группами, где каждый принадлежал к своему определенному кружку, границы между которыми обозначались самым резким образом,— здесь мы чувствовали себя отчаянно одинокими: ведь мы никому не были нужны.

Наша школа стояла у каменистого склона единственного джаррабинского холма; это было узкое здание из некрашеных досок с двумя классными комнатами. Ребятишки поменьше, в том числе и моя сестра, сидели в одной комнате, а старшие — четвертый, пятый и шестой классы — в другой. Были здесь и такие, что заочно, под наблюдением старшего учителя, занимались по программе седьмого и восьмого классов. Они пользовались особым уважением остальных учеников.

Старшего учителя мы называли «Попрыгунчик». Если подумать, жизнь его была настоящим адом. И зиму и лето он проводил в этой узкой комнатушке, обучая местных ребятишек. Отчасти благодаря своим блестящим способностям, отчасти путем убеждения, а главным образом благодаря применению тяжелой трости ему удавалось добиться того, что процент оканчивающих в джаррабинской начальной школе был самый высокий в штате.

Попрыгунчик запомнился мне надолго — плотный, неуклюжий, с резким, насмешливым голосом, который по временам приобретал удивительную мягкость, с головой, вызывающей представление о некоем неудавшемся Бетховене. Он хромал на одну ногу, и когда холод бередил старую рану, удары учительской трости оставляли болезненные следы на голых коленках. На коленках у всех учеников, кроме меня. Моя мать в первый же день явилась в школу и потребовала, чтобы меня ни в коем случае не подвергали телесным наказаниям. Вряд ли она понимала, какое зло причинила мне. Ежедневно перед тем, как войти в классную комнату, мы выстраивались на веранде, чтобы получить причитающуюся каждому долю наказания за ошибки в диктантах и задачках. «Вж-жик, вж-жик»— обрушивалась трость на расцарапанные коленки моих соучеников, и лишь когда я проходила мимо учителя, воцарялось холодное, ядовитое молчание. О, как я жаждала тогда ощутить резкую боль от удара трости на своих ногах, боль, которая объединила бы меня с товарищами!

На переменках я всегда выжидала, пока все дети не уйдут из класса. Сквозь открытые окна я слышала их крики и топот ног по гравию. Кроме меня, в опустевшем классе оставалась только бледная светловолосая дочка рабочего из гаража: девочке приходилось делать здесь домашние задания, так как по вечерам мать заставляла ее нянчить младшую сестру. Лишь однажды меня позвали играть во двор: в баскетбольной команде не хватало игрока, и в течение двух минут, вихрем носясь по площадке с мячом под мышкой, я чувствовала себя наверху блаженства и в ореоле славы. Бегала я быстро, но понятия не имела о правилах игры, и когда я все испортила, забросив мяч в свою корзину, от меня поспешили избавиться поскорее. Вне себя от стыда, я прокралась назад, под защиту запятнанной чернилами парты, на которой несколько поколений местных ребят старательно вырезали свои инициалы.

Когда звонок возвещал конец занятий, школьницы бежали домой, по пути задирая мальчишек. По извечному обычаю всех девочек, они ходили попарно, обнявшись, то и дело наклонялись друг к другу, шушукались, рисовали мелом на всех стенах сердца и таинственные инициалы, а в карманах передников, как величайшие сокровища, хранили какие-то замусоленные записочки.

И все эти долгие летние дни я возвращалась в лавку одна; уныло брела я домой по каменистой дороге между посадками перца, поднимая ногами золотое облачко пыли. И с каждой неделей ранец казался мне тяжелее, а сердце под белым передничком словно наливалось свинцом.

Подружку к нам в дом привела не я, а моя сестра. Улыбаясь, стояла девочка посреди кухни и казалась нам редчайшим сокровищем. Это была крепкая темнокожая девчушка с бархатистыми карими глазами и широким носиком. Как она нам нравилась! Айрин МакКенна... Мы извлекли на свет все наши книги и игрушки, чтоб показать ей; мы примеряли свои платья и ленты на нее, а ее — на себя, мы играли в маскарад, вырядившись в старые материны платья и туфли на высоких каблуках. Мы восхищались беззаботностью, веселым нравом Айрин, ее кипучей энергией, ее неутомимой тягой к приключениям, ее удивительной самоуверенностью.

Уж ее-то взрослым никогда не удавалось запугать. Айрин неизменно оставалась хозяйкой положения. Необыкновенная вера в свои силы помогала ей из любых переделок выходить благополучно. Кто, кроме нее, мог удержаться на одних пальцах ног на самой верхней ветке эвкалипта? Кто еще, получив удар тростью за смех на уроке, с улыбкой сносил наказание? И если нам хотелось отправиться на пикник, или погулять позднее девяти часов, или субботним вечером пощеголять в праздничных платьях, то просить разрешения у моей матери отваживалась только она, Айрин.

Как-то вечером в субботу Айрин привела к нам поиграть свою старшую сестренку Эдну. Эдне уже исполнилось двенадцать, но она была мала ростом для своих лет, смуглую ее кожу густо покрывали веснушки, и глубокие карие глаза смотрели на нас с печальной серьезностью. Жизнь и заботы о младших братьях и сестрах уже научили Эдну действовать осторожно там, где Айрин брала весельем и дерзким умом. Эдна поучала нас со знанием жизни и зловещей, недетской мудростью. Она старалась отвлечь Айрин от особенно рискованных замыслов; можно сказать, вся жизнь Эдны проходила в попытках удержать Айрин в границах, установленных косным нашим обществом.

По отношению к моей матери Эдна сразу же усвоила плаксивый, льстиво-смиренный тон. Но за стенами дома Эдна становилась нам чем-то вроде старой, мудрой матери. Благодаря ей мы скоро усвоили, что лучший способ избегать неприятностей — это вовремя притвориться, будто ты не то, что есть на самом деле.

Айрин же ничему подобному нас не учила. Нет, она открыто смотрела в лицо жизни и принимала ее шлепки, задорно смеясь. Всю зиму она вместе с нами вприпрыжку бегала в школу. И сейчас еще я помню ее разрумянившиеся от холода коричневые щеки, помню, как шаловливо скакала она утром по дороге, засунув свой завтрак — два яблока — за свитер, где они образовывали маленькие выпуклости. Помню, как с беззаботным смехом, без тени стыда она рассказала нам о своей старой черной бабушке, которая живет в поселке аборигенов и курит трубку. А Эдна хоть и пыталась заставить сестру замолчать, в то же время взирала на нее с откровенным восхищением — ведь Айрин бесстрашно бросала вызов всему Джаррабину и нам в том числе.

— Ну да, бабка — настоящая австралийка, черная-пречерная. Она раньше часто приезжала к нам, да, видать, уж очень старая стала. Она папина мать. Отца моего знаете, правда? Он работает в Шелл-Ойл. Он наполовину абориген, наш папка. Обещал через месяц свезти нас к бабушке.

— Тебе нравится к ней ездить? — застенчиво спросила я.

— Еще как! Она всегда угощает нас конфетами и еще умеет рассказывать сказки. Правда, Эд? Мы у нее по целым неделям гостим, и домой не хочется вовсе. Мы нашу бабушку очень любим.

Халимат БАЙРАМУКОВА

* * *

...Нет, женские песни ты мне позволь
Слагать по-женски.
Пускай без конца,
Как женщина дом обживает свой,
Уютом они обживают сердца.

Пускай по-женски звучат слова
И женских будут полны идей,
Пускай, как женщина, будет нова
Моя поэзия каждый день.

Пускай, как женщина, песня моя
Прекрасна будет и, может быть,
Как женщина, жертвуя и любя,
Она заставит себя любить.

Пускай, как мать, отдавая дань
По-женски мужественной судьбе,
Одной рукой отсылает вдаль,
Другой рукою зовет к себе.

С карачаевского перевела
Новелла МАТВЕЕВА.

И она уносилась, приплясывая, вперед по дороге, и туман вился вокруг ее плеч, а яблоки так и прыгали вверх-вниз под свитером. Черная бабушка Айрин стала предметом нашей острейшей зависти. Все остальные бабушки, которых мы до сих пор знали, и в подметки ей не годились. А сама Айрин была для нас истинной солью земли, доброй бурой австралийской земли, приправленной пряным запахом и блеском эвкалиптовых листьев.

Однако конец счастливой зимы был неизбежен. Дети в Джаррабине делились на группы в соответствии с положением, занимаемым их родителями; границы этих групп строго охранялись взрослыми. Эдна и Айрин меньше всех годились в товарищи игр для таких «приличных» детей, как мы. Их место было на самом дне джаррабинского общества. Матерью их была тоненькая рыжеволосая женщина с молочно-белой кожей, а отцом — Большой Джим Мак-Кенна, широкоплечий шофер, гордый своими предками — аборигенами. Семья Мак-Кенна снимала ветхий домик из некрашеных досок у запасных железнодорожных путей. Там же стояли и лачуги землекопов, кое-как сколоченные из старых шпал и обмазанные глиной.

Часто Эдна и Айрин брали нас с собой, и вместе с ребятишками землекопов мы играли в зарослях кустарника у железнодорожного полотна. Теперь нам не грозило одиночество — ни в школе, ни после уроков. Дети землекопов стали нашими товарищами, мы всегда держались вместе: они защищали нас, они учили нас своим представлениям о честности, терпимости, отваге. Мы подрастали рядом с ними в зарослях и на усыпанных гравием улицах Джаррабина.

Иногда Эдна и Айрин звали нас к себе домой — поесть хлеба с джемом. Как сейчас, вижу улыбающуюся женщину с огненными волосами и у ее ослепительно белой, словно молоко, груди — коричневого младенца. Вижу отраженное в глазах женщины тепло кухонной плиты и крошечного сосущего ребенка, такого прекрасного в отблесках каминного огня. Я попыталась поделиться своим восторгом с матерью. В ответ она сощурила глаза и поджала губы — это, я знала, не предвещало ничего доброго.

— Что же, эта женщина кормила ребенка у вас на глазах? — спросила она.

Я молча кивнула.

— Вы можете приводить Айрин и Эдну играть сюда, если вам нравится,— сказала мать.— Но к ним домой вы больше ходить не должны.

* * *

Окончательно мы потеряли Эдну и Айрин из-за совсем пустякового случая. Как-то в субботу мать разбирала свой комод: рваные чулки, коробки из-под пудры, рассыпавшиеся бусы были сложены кучками на полу в спальне. Некоторые совершенно ненужные вещицы мать отдавала Эдне и Айрин. Эдна принимала дары с надлежащей благодарностью и смирением, в глазах Айрин прыгали озорные огоньки. Луч света упал на лежащий у ног девочки крошечный пузырек из-под духов, перевязанный шелковой лентой. Пузырек был почти пустой. Айрин подняла его и положила в карман передника. Острые глаза матери тут же впились в карман Айрин.

— Что у тебя в кармане, Айрин?

Коричневая ручонка Айрин нырнула в карман и протянула матери пузырек.

— Вот,— ответила девочка.— Я думала, вы его выбросили.

— Не надо выдумывать, Айрин,— холодно сказала мать.— По-моему, это — воровство.

— Что же это ты, Айрин? — захныкала Эдна.— Миссис Коглин к нам так добра. Скажи, что больше не будешь этого делать, слышишь, Айрин!

Мы застыли, сжавшись от стыда. Жаркая волна медленно заливала мне щеки, пока мать читала Айрин нотацию о том, как дурно красть. «Сколько шуму развела — и все из-за какого-то шестипенсового пузырька!» — горько думала я.

— Айрин, попроси прощения. Ну, скажи же: виновата, простите, больше не буду,— уговаривала Эдна.— Она знает, что виновата, правда, миссис Коглин, просто боится сказать.

Мы молчали, страстно желая, чтобы Айрин отвратила катастрофу, которая — мы были уверены — неминуемо надвигалась на всех нас. Но нет — Айрин не уступит, это мы знали; и мы знали также: стоит ей уступить — и ореол ее для нас навсегда померкнет. Так или иначе, все равно мы потеряем Айрин, и, любя ее, мы стояли, убитые горем, и в сердцах наших лежала тяжесть, словно камень на дне ручья.

Мать пустилась на хитрость:

— Можешь оставить себе флакон, если попросишь прощения.

Но тут же пузырек полетел к ее ногам, минута — и Айрин, быстрая, как солнечный зайчик, выскочила из нашего дома на свежий воздух джаррабинской улицы.

— Иди-ка и ты домой, Эдна,— сказала мать и жестко сжала губы.

Эдна повернулась и, даже не взглянув на нас, вышла. Она знала, тут уж ничем не поможешь. В комнате воцарилось молчание. Мы даже не могли плакать: так велико было наше горе.

— Не приводите больше Эдну и Айрин к нам,— сказала мать, отворачиваясь. Большие руки ее в ярости вцепились в ящик из-под муки. Мы видели, как сзади у нее на шее выступили безобразные красные пятна.— Терпеть не могу воровства. Черномазые все на один манер. Дай им палец — они всю руку откусят... Только отвернись — тут же прикарманят что плохо лежит. И не просите, чтоб я снова разрешила приводить их сюда. Терпеть не могу лгунов.

Но, очевидно, тяжесть нашего горя стала давить и на нее, и она попыталась смягчить удар:

— Ничего, найдем вам приличных девочек, с ними будете играть.

Мы поплелись во двор; там мы и сидели, окруженные старыми ящиками и бидонами из-под керосина. Лучи зимнего солнца были так же слабы, как и наши надежды, и не могли нас согреть. Резкий, порывистый ветер раскачивал ветви старого эвкалипта у частокола.

* * *

Мы по-прежнему в школе играли с Айрин и Эдной, и все же многое теперь изменилось. Нас больше не звали побегать с ватагой ребятишек у железнодорожного депо; после уроков мы шли прямо домой. Зато к нам начали приглашать дочек местной аристократии; мать устраивала детские вечеринки, чаепития, купила граммофон со множеством детских пластинок — все средства были пущены в ход, чтобы привлечь «приличных» детей. Разумеется, приманки подействовали: дочки управляющего банком, врача и агента фирмы Далгети «Сельскохозяйственное оборудование» стали часто собираться у нас, в темных дощатых комнатах позади магазина.

Теперь-то я понимаю все — ведь родители их входили в число тех немногих жителей Джаррабина, которые никак не зависели от моего деда или родителей. У этих ребят было меньше причин ненавидеть нашу семью, больше оснований дружить с нами. Наши родители совместно держали в руках весь город, каждый из них по-своему обирал горожан и наживался, по молчаливому соглашению не вторгаясь во владения другого.

Потому-то нас довольно быстро приняли в избранный круг джаррабинского общества. Нас ловко отвлекали от дружбы с Эдной, Айрин, с ребятишками землекопов. И постепенно дух косности и эгоизма, свойственный нашему классу, одержал победу. Ведь мы выросли в этой атмосфере, вдохнули ее со своим первым дыханием; в этой атмосфере мы делали свои первые шаги по земле, лепетали свои первые, невнятные еще слова. Мы, сами того не сознавая, запутались в ней, как мухи в огромной, клейкой паутине. Сознавали мы одно: что-то очень важное ушло из нашей жизни с исчезновением Эдны и Айрин, и новые наши друзья не в состоянии восполнить утрату. В довершение ко всему я вдруг както очень быстро начала взрослеть.

В то лето я впервые жестоко влюбилась — тайно, разумеется,— в сына начальника станции Дункана Уолтерса. В школе он передавал мне записочки под партой. Но Дункан бросил учиться и поступил в кооперативный магазин подручным бакалейщика. Каждый вечер я выходила на улицу и слонялась у дверей магазина, чтобы хоть краешком глаза увидеть мелькающие за прилавком рыжие вихры и белый фартук предмета моей любви. Все это жаркое лето лелеяла я свою тайную страсть.

Помню, я часами бродила по окраинам в надежде, что встречу Дункана и он наконец

обратит на меня внимание, но все было напрасно. Он стал взрослым, подобные пустяки уже потеряли для него интерес.

В школу мы ходили теперь с дочкой управляющего банком, рука в руке, как лучшие подруги. Айрин и Эдна больше не поджидали нас у ворот. Эдна покинула нас последней. Айрин — та исчезла, едва только почувствовала в нас перемену. Отступничество Айрин нас очень обидело, но и мы и она знали, что мы первыми совершили предательство. А тут еще произошли события, разделившие весь Джаррабин на два воюющих лагеря.

— Вечно эти Мак-Кенна,— злилась мать.— Не хочу о них слышать. Настоящее отребье, смутьяны — вот они кто.

А отец пригрозил нам:

— Попробуйте только с этими Мак-Кенна якшаться — шкуру спущу!

Жестокая вражда разгорелась между именитыми горожанами, живущими у подножия холма, и жителями рабочего поселка у железной дороги.

Конфликт возник среди шоферов компании Шелл-Ойл. И все из-за Большого Джима Мак-Кенна. Новый управляющий набросился на Джима, когда тот взял лишний свободный день, чтобы съездить к матери в Канджин. Джим осмелился вступить в пререкания с новым управляющим и за это получил расчет. Истинная же причина была другая — управляющий хотел любым путем отделаться от Джима. Вид этого могучего, сознающего свою силу человека, его мягкость и спокойствие нестерпимо раздражали нового босса. Он приехал с севера, где аборигены жили только в специальных лагерях и знали, как следует говорить с белыми господами. А Большой Джим, ко всему прочему, еще и женился на белой женщине. Его ребятишки верховодили в школе. Джим пользовался большим уважением у товарищей-шоферов. И он вовсе не старался скрыть свое происхождение — наоборот, он гордился им и к матери относился с любовью и уважением.

Получив расчет, Большой Джим собрал всех шоферов на окраине города, у ворот нефтяного склада. Солнечные лучи отвесно падали на круглую черноволосую голову Джима. А позади него бронзой блестели на солнце листья искривленных эвкалиптов.

— Он меня уволил — слыхали это? — сказал Джим, пытливо вглядываясь в лица мужчин, которые вот уже много лет были ему товарищами.— Знаю, вы за меня вступитесь. Как, ребята?

И кривоногий, с редкими зубами человечек, бывший стригаль, стоявший по другую сторону сетки от кроликов, ответил за всех:

— Мы с тобой, Джим. Тебя выгнали — все уйдем.

Управляющий рассказал об этом моему отцу в тот же вечер, когда зашел за газетой. Он то и дело хватался за скомканный носовой платок и вытирал свой лысый череп. Брови управляющего были недоуменно подняты, словно непонятные джаррабинские события окончательно сбили его с толку.

— Я им говорил: ведь вы все добрые австралийцы. Белые люди! Да неужто вы допустите, чтоб проклятый черномазый помыкал вами?! А этот проклятый черномазый и говорит: «Коли на то пошло, так я австралиец больше вашего. Предки матери здесь уже миллион лет назад жили, когда о вас и слуху не было!»

— Ну и что же дальше? — спросил отец, пряча злорадную усмешку. Отца, видно, позабавило, что этому чужаку так досталось от Джима Мак-Кенна.

— А дальше все они закричали: «Твоя правда, Джим!»

— Да, этот Мак-Кенна — опасный субъект,— сочувственно сказал отец.— Он всех запугал. Смотрите в оба — от этих черных всего можно ожидать. Иногда я думаю: может, лучше отдать им эту страну обратно, и пусть делают с ней что хотят.

И отец скрылся за полками, посмеиваясь над растерявшимся управляющим.

— Небось, неделю с собой в постель ружье будет класть,— шепнул потом матери отец.

На следующий день после этих событий город уже представлял настоящее поле битвы: все разделились на сторонников и противников Мак-Кенна. Сражения вспыхивали и в пивных и на школьном дворе. Эхо разносило по городу стук кулаков, и немало старых счетов было сведено позади пивной и у школы под предлогом выяснения взглядов на дело Мак-Кенна. Старшего учителя подвергли остракизму, потому что он принял сторону Мак-Кенна. Учителю после этого так и не удалось восстановить пошатнувшийся авторитет, и на следующий год его перевели в другой округ.

Что касается меня — моим героем был Джим Мак-Кенна. Бывало, стоя где-нибудь на углу, я следила, как он шел мимо — в выцветшей синей спецовке, высоко подняв темную голову к летнему небу, покрытому хлопьями облаков.

— Ну, как дела, девочка, а? — говорил он, проходя, и легонько касался моей головы коричневой шершавой рукой.

Мне казалось, что ему ничего не стоит дотянуться до облаков.

В один прекрасный день трактирщик вдруг решил не обслуживать Джима потому, что он, мол, абориген. Тогда все городские рабочие взбунтовались.

— Он же здесь с восемнадцати лет пьет!— возмущенно говорил один старый землекоп.— Уж коли такой парень, как Мак-Кенна, не хорош для этой пивной, так и моей ноги здесь не будет!

И пивной был объявлен бойкот. Субботними вечерами жаждущие отправлялись в дальний путь в Канджин и пили там. В конце концов трактирщик, терпевший убытки, вынужден был сдаться, и снова вместе с товарищами Большой Джим подолгу простаивал, облокотившись на стойку, и, прищурясь, поднимал к свету кружку пива. С этого момента в ходе событий наступил поворот. Нового управляющего перевели на север, его преемник взял обратно Джима и всех остальных шоферов; и городок снова спокойно задремал в дымке красноватой летней пыли. Мои родители отдали магазин в аренду и стали готовиться к переезду в крупный город. Здесь, в Джаррабине, по мнению матери, мы не могли получить настоящего образования.

Как-то перед самым отъездом я брела мимо посёлка землекопов. Первая зимняя травка, яркая, словно капельки свежей краски, уже показалась между рельсами... Целый год мы прожили в Джаррабине. Мне исполнилось двенадцать, и я уже понимала, что осталась такой же одинокой, такой же несчастной, какой была в день приезда с фермы. Радостное воспоминание оставила только прошлая зима, озаренная дружбой с Эдной и Айрин. «Если бы только вернуть эту зиму»,— думала я, уныло тыкая ботинком в кустики оставшейся с лета выжженной солнцем травы.

И тут я увидела их: босоногие, они мчались по траве к зарослям, прыгая между молодыми эвкалиптами,— ребята землекопов во главе с Айрин Мак-Кенна, такие же смуглые и сияющие, как она.

— Айрин, Айрин! — шепнула я и притаилась за дубками.

Мимо меня промелькнула смеющаяся мордашка Айрин и тут же скрылась среди тонких стволов деревьев. Айрин не заметила меня, не вернулась. И никогда не вернется. Я закричала: «Айрин, Айрин!» — и побежала, но провисшие нити колючей проволоки, ограждавшей железную дорогу, остановили меня.

Я стояла, приникнув к трухлявому столбу изгороди, вдыхая свежесть травы и только что спиленных на дрова деревьев, заготовленных на зиму на склонах джаррабинского холма. Сквозь слезы я увидела, как исчез в зарослях последний из ребят; а смех их еще долго звенел вокруг меня, дразнящий, как крик кукабарры.

— Айрин! — все звала я.— Айрин, вернись!

Но она была уже слишком далеко. Слезы, просочившись сквозь мои пальцы, блеснули на нитях проволоки, потом медленно стали капать в зеленую траву Джаррабина.

Мы больше не виделись с Айрин Мак-Кенна. Десять лет потребовалось мне, чтобы понять — будущее лежит по ее сторону изгороди; десять горьких лет, чтобы найти путь на ту сторону изгороди, к Айрин, Эдне и детям джаррабинских землекопов.

Перевела с английского
Инна ПОЛЕТАЕВА.

Мои друзья

Мои друзья ко мне приходят в гости,
Мы с ними часто спорим за столом,
Хотя не произносим громких тостов
И не вино, а чай с вареньем пьем.

Мы о тайге заснеженной мечтаем,
О перепутьях на краю земли,
Мужаем мы за каждой чашкой чая
И строим наши планы-корабли.

И мысли комом подступают к горлу,
Их осознать порою нелегко;
Сейчас нам нужно глубины озерной,
Как в детстве нужно было молоко.

Мальчишки курят, повзрослев заметно,
Клубами в форточку выходит дым,
А глобус вертится, и в платьях летних
У светлой, чистой Волги мы стоим.

Но чай остыл, часы пробили десять,
И остаюсь я в комнате одна,
Ложатся спать за стенкой дети,
И в дом приходит тишина.

Зоя ВИНОЛИСТОВА,
ученица 11-го класса
1-й клязьминской средней школы

В защиту мужчин

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

С доисторических времен,
По непонятным нам причинам,
Мы слышим вздохи наших жен:
«Как я завидую мужчинам!»
Несправедлив к нам женский род,
Ведь все сейчас к его услугам,
И мы должны, наоборот,
Своим завидовать супругам.
Журнал «Работница»— для них,
Журнал «Крестьянка»—женский тоже.
О привилегиях таких
Мечтать мужчина разве может?
Большой научный институт
Вплотную занялся вопросом,
Как облегчить домашний труд:
Для наших женщин создают
Электротерки, пылесосы.
А где, скажите, институт,
Чтоб облегчал мужчинам труд?
Свой календарь у женщин есть,
Свои у женщин магазины.
Когда-нибудь такая честь
Была оказана мужчинам?
У женщин более двухсот
Сортов помад и кремов разных,
Но мало им всех этих льгот —
Они справляют каждый год
Свой персональный женский праздник!
А где у нас, мужчин, такой
Международный день мужской?
Чтоб раз в году наш «сильный» пол
Не упрекали, не пилили,
Сажали в центре бы за стол
И за здоровье наше пили!
Пока о нем мечтаем мы,
Приходит март. Мужья, бедняги,
У жен пятерку взяв взаймы,
Штурмуют вновь универмаги...

ЕГО ОРУЖИЕ — СМЕХ

Сегодня мы отмечаем семидесятилетие народного писателя Белоруссии, замечательного сатирика, баснописца и драматурга Кондрата Крапивы.

Сатирик — народный писатель. Удивительно яркое свидетельство того, как высоко ценит и любит советский народ меткое, остроумное и гневное сатирическое слово.

В биографии Кондрата Кондратовича Крапивы (Атраховича) большое место занимает война. Солдат первой мировой войны, доброволец — воин Красной Армии — в годы гражданской, участник освободительного похода в Западную Белоруссию (1939), а затем войны с белофиннами (1940), он вместе с другими писателями-фронтовиками прошел по дорогам Великой Отечественной войны.

Если говорить о писательской жизни Кондрата Крапивы, то здесь он воюет непрерывно. Первые его стихотворные фельетоны, басни, сатирические стихи появились на страницах «Красноармейской правды» в 1922 году. После демобилизации из Красной Армии Крапива печатается почти во всех белорусских газетах и журналах. Его сатирический талант направлен против шкурников и лодырей, карьеристов, подхалимов, растратчиков... Зло и беспощадно высмеивает писатель двоедушие, очковтирательство, показное усердие, невежество, зазнайство и пустую самонадеянность. Кондрат Крапива — мастер глубоких и точных обобщений. Вот почему многие его басни и стихи, написанные в определенной исторической обстановке, по определенному, конкретному поводу, до сих пор сохранили и надолго сохранят свое художественное и воспитательное значение.

Во второй половине двадцатых годов уже не было такого уголка в Белоруссии, где не знали бы действительно народные по языку, по характеру юмора басни и стихотворные памфлеты Крапивы, умеющего использовать крепкое крестьянское словечко и меткий образ.

Кондрат Кондратович — автор многих талантливых пьес, завоевавших признание всесоюзного зрителя: «Конец дружбы» (1934), «Партизаны» (1937), «Кто смеется последним» (1939), «Поют жаворонки» (1950) и других. Особенно популярна удостоенная Государственной премии пьеса «Кто смеется последним».

Нельзя не сказать также и о большой общественной и научной деятельности Кондрата Кондратовича. Он один из лучших знатоков белорусского языка, вице-президент Белорусской Академии наук. Под его редакцией вышел известный, наиболее полный «Белорусско-русский словарь».

Евг. МОЗОЛЬКОВ

Суровое поле жизни

Почти все книги Анатолия Калинина вызывают острый спор критиков и читателей. И это естественно. В его книгах, отличающихся активной гражданской позицией автора, социальной остротой, жизнь изображается такою, как она есть, — со всеми ее противоречивыми сложностями. А потому, как жизнь, как отдельные явления ее, могут по-разному пониматься разными людьми и те судьбы и характеры, которые вывел писатель на «суровое поле» своих книг.

Критик Николай Далада включился в этот широкий спор и ведет его живо и убедительно.

В своем критическом исследовании «Корни, которые не умирают» Н. Далада делится с читателем теми раздумьями, которые пробудили в нем произведения Анатолия Калинина — его очерки, повести и романы. Размышляя над ними, критик заостряет наше внимание на важных явлениях общественной и литературной жизни сегодняшних дней, показывает художественное и социальное значение калининских образов, заставляет нас глубже понять и полюбить или возненавидеть людей, живущих на страницах очерков «Лунные ночи», «Неумирающие корни», романов «Суровое поле», «Запретная зона», повестей «Цыган» и «Эхо войны».

В заключительной главе своей монографии Н. Далада пишет:

«Обнажая противоречия, вскрывая слабости, присущие как отдельным людям, так и обществу в целом, А. Калинин со страстью поэта-гражданина срывает предохранительные покровы, в которых прячутся наследники прошлого, приспособившиеся к новым условиям существования, и всеми доступными ему средствами раскрывает пафос борьбы за торжество новой, коммунистической морали, в которой и проявляется человечное в человеке: ненависть, рожденная любовью, любовь, карающая подлость».

Это вывод, к которому критик подводит читателя всем предшествующим исследованием.

Творчество А. Калинина критик рассматривает в совокупности с творчеством других советских писателей, изображающих жизнь деревни.

Вас. ИЛЬИН

Николай Далада. Корни, которые не умирают. «Московский рабочий». 1965.

Подвиг Гримау

Имя Хулиана Гримау хорошо знакомо советским людям. «Судьба Гримау, героическая и трагичная, волнует каждого из нас», — пишет К. Непомнящий, автор «Повести о Хулиане Гримау». В самом деле, еще свеж в памяти тот бурный протест, которым вся мировая общественность встретила сообщение о казни замечательного испанского патриота.

На страницах книги раскрывается славная биография верного сына испанского народа. В дни, когда республиканская Испания, обливаясь кровью, вела неравный бой с трехглавым чудовищем в образе Франко, Гитлера и Муссолини, можно было видеть Хулиана на решающих участках борьбы. «Гримау, надо ехать в Валенсию... Гримау, надо помочь Барселоне...» И он без колебаний мчится туда, где республика оказывается в опасности. Везде и всюду — в первых рядах борцов.

Слишком явен, однако, был перевес сил у врага. Республика оказалась задушенной. Но патриоты не покорились. Они уходят в подполье, ведут нелегальную работу.

Автор переносит читателей в Испанию начала шестидесятых годов. «Я нахожусь в Мадриде для выполнения своего долга коммуниста». Эти слова Хулиана, гордо брошенные им после ареста в лицо палачам, достаточно ясно объясняют цель его возвращения на родину из эмиграции.

Начинается новый этап борьбы. Силу и мужество коммунистам Испании придавала уверенность в том, что они не одни. Сквозь частоколы полицейской цензуры в страну проникают вести об успехах социализма. Бодростью пронизаны строки из включенного в книгу письма Гримау: «Великая победа Советского Союза и небесного Колумба, то есть Юрия Гагарина, наполнила сердце народа Мадрида радостью и ликованием».

Чувство пролетарского интернационализма помогает испанским патриотам в их самоотверженной борьбе. Она ведется в условиях жесточайших полицейских преследований. «Террор — таков фундамент, на котором покоится власть Франко». Так расценили триста тридцать девять баскских священников в письме высшим сановникам католической иерархии нынешнее положение в Испании.
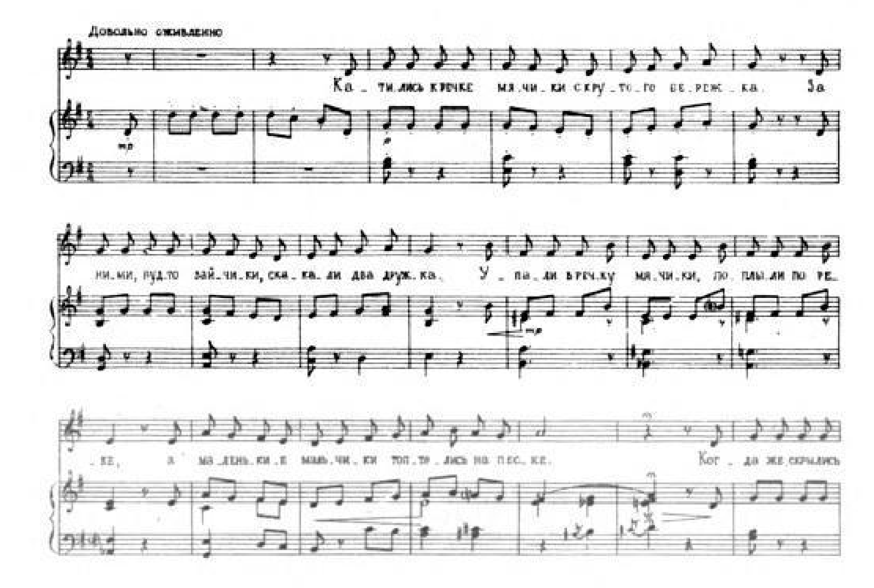
Но никакой террор и пытки не могут сломить железную волю борцов за свободу. «Хулиан Гримау встретил смерть со спокойствием, которое не покидало его», — сообщило агентство Франс Пресс, отдавая дань героизму испанских коммунистов.

Автор книги, рассказав о славных делах патриотов Испании, сделал хорошее дело. Можно вполне согласиться с ним, что о Хулиане Гримау еще много напишут писатели и поэты. Напишут они и о его замечательных соратниках, стойких борцах за свободу многострадального, но не склонившего головы народа.

А. ЕФРЕМОВ

К. Непомнящий. Повесть о Хулиане Гримау. Политиздат. Москва. 1965.

Мячики
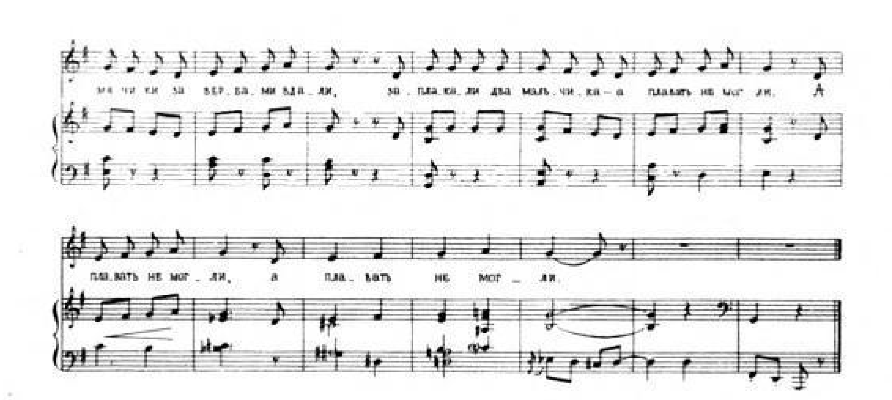

Катились к речке мячики
С крутого бережка.
За ними, будто зайчики,
Скакали два дружка.

Упали в речку мячики,
Поплыли по реке,
А маленькие мальчики
Топтались на песке.

Когда же скрылись мячики
За вербами вдали,
Заплакали два мальчика,
А плавать не могли.

А плавать не могли.
А плавать не могли.

С украинского перевела
З. АЛЕКСАНДРОВА.

Музыка Ю. СЛОНОВА. **Слова Платона ВОРОНЬКО.**

А. Новгородский. ФЕХТОВАЛЬЩИЦЫ. Московский художественный институт имени В. И. Сурикова.

Л. Бумане. ОСЕННИЙ УРОЖАЙ.

Государственная Академия художеств Латвийской ССР.

ПРОГУЛКА ПО НОВОМУ ПРОСПЕКТУ

О. КНОРРИНГ

История проспекта Калинина не так уж нова. Еще в 1935 году при разработке генерального плана реконструкции Москвы была запроектирована магистраль с условным названием — Новый Арбат, которая связывала центр города с автотрассой Москва — Минск. Однако претворить этот проект в жизнь тогда было еще невозможно. Не было для этого накоплено необходимого технического опыта. Отечественная война отодвинула начало стройки на два десятилетия. И только теперь, когда в стране создана мощная строительная индустрия, после того, как в Москве построены новые, огромные жилые массивы, стало возможным приступить к реконструкции старых центральных районов города. Дошла очередь и до Нового Арбата — ныне проспекта Калинина.

Это не только жилой, но и крупный административно-торговый центр. Сюда переедут несколько союзных министерств. Здесь сосредоточат много больших специализированных магазинов, кафе, ресторанов и предприятий бытового обслуживания. Как же будет выглядеть этот проспект, когда последний монтажный кран покинет стройку?

Давайте пройдемся по новому проспекту от Москвы-реки до Арбатской площади.

На набережной, на высоких флагштоках, установленных перед ансамблем зданий, сверкающих витражами, гордо развеваются государственные флаги разных стран. Это штаб-квартира Совета Экономической Взаимопомощи стран социализма.

Тридцать один этаж. Такова высота его главного здания. Здесь расположены представительства стран — участниц СЭВ. Все они принимали участие в стройке, поставляя части оборудования, отделочные материалы, мебель. В нижних этажах — большой конференц-зал, зал заседаний, фойе, галереи, помещения для выставок, почта, международный телефон и телеграф. Несколько левее главного корпуса — тринадцатиэтажная комфортабельная гостиница, а напротив, через улицу,— жилой дом для работников СЭВ.

...Миновав старые жилые дома и институт курортологии, пересечем Садовое кольцо. Отсюда начинается наиболее интересная часть проспекта. На южной его стороне высятся четыре одинаковых двадцатипятиэтажных административных здания. В них расположены министерства. Двадцать пять этажей — это не совсем точно. Под ними еще четыре этажа. Два подземных, два на поверхности. Что же скрывается за их зеркальными витринами? Целый комплекс торгово-бытового обслуживания. В одном из корпусов — магазин «Гастроном», транспортное агентство и кафе на тысячу мест. Кафе не обычное. Тут и шашлычная, и пирожковая, и пивной бар. Здесь всевозможные национальные кушанья.

Переходим в соседнее здание и сразу попадаем в женское царство. Рядом с магазинами «Цветы» и «Модная одежда» Дворец красоты — институт косметики.

Нижние этажи следующих корпусов заняты магазинами — «Кинофотолюбитель», «Синтетика», «Подарки», кулинарии и полуфабрикатов.

Основную часть торгового помещения занимает огромный ресторан на две тысячи мест с банкетными и танцевальными залами, с кабинетами, гостиными и холлами. Здесь же и кафе-мороженое. Летом, в хорошую погоду, можно лакомиться мороженым на свежем воздухе, за столиками, вынесенными на крышу кафе.

Снаружи административные здания облицованы светлыми панелями, покрытыми мелкими стеклянными плитками. Оконные переплеты сделаны из алюминиевого сплава с защитными устройствами от солнца.

Как выглядят административные здания внутри? Поднявшись по двум эскалаторам из вестибюля на третий этаж, вы попадете в просторный гардероб. Отсюда скоростные лифты доставят вас на нужный вам этаж. Для внутренней отделки служебных помещений использованы мрамор, синтетические ковры, искусственная кожа и ценные породы дерева. Чтобы шум не мешал работе, применены специальные акустические плитки. Всюду кондиционированный воздух и устройства, поддерживающие заданную температуру. Для этого впервые установлена очень экономичная отечественная аппаратура. К каждому корпусу примыкают здания конференц-залов с фойе и рядом служебных и клубных помещений.

За административными зданиями, по ту сторону Арбатской площади, воздвигнут монументальный Дом дружбы — здание, символизирующее мир и дружбу между народами нашей планеты. Тут большой зрительный зал, несколько залов заседаний, выставочные салоны, библиотека, ресторан и помещения для работы обществ дружбы с зарубежными странами.

Теперь вернемся к Садовому кольцу и посмотрим, как выглядит северная, жилая часть проспекта. Один за другим, фасадами вдоль улицы, выстроились в линию пять двадцатичетырехэтажных домов-башен. Квартиры тут разные. Однокомнатные, двух- и трехкомнатные с балконами, выходящими на проспект. В кухнях установлены электрические плиты. Нижние этажи — магазины: парфюмерный, ювелирный, «Грампластинка» и аптека. Там же ряд предприятий службы быта.

Между домами-башнями — здание двухзального кинотеатра на три тысячи мест, построенного вместо старого «Художественного». Это своеобразный комбинат. Кроме кинозалов, объединенных просторными фойе, есть кафе-ресторан, танцевальный зал и гардероб. Хозяева кинотеатра — молодежь. Здесь можно устраивать фестивали, проводить конференции, коллективные праздники, встречи Нового года. Это скорее клуб, где молодые москвичи могут проводить свой досуг — посмотреть фильм или выступления артистов, почитать стихи, потанцевать, послушать музыку. Наконец, просто посидеть с друзьями в кафе.

Далее следуют крупнейшая в столице булочная-кондитерская и магазин «Книги». А около выходящего на Арбатскую площадь здания Автоматической телефонной станции приютилась старинная церквушка Симеона Столпника — архитектурный памятник XVII века.

А как же с транспортом? Где будут стоять автомашины, приезжающие к министерствам и магазинам? Ведь для них нужны удобные подъезды, просторные стоянки. Это тоже предусмотрено. Спустимся на минутку под землю. Там, под разбитым вдоль проспекта бульваром, устроены транспортные тоннели для завоза товаров в магазины. Тут же — гараж на двести сорок машин, обслуживающих торговый центр. Кроме того, на поверхности, вдоль южной части проспекта, может разместиться необходимое количество автомобилей.

На этом мы заканчиваем нашу прогулку в завтра проспекта Калинина, над созданием которого немало потрудился многочисленный коллектив архитекторов и инженеров под руководством Михаила Васильевича Посохина.

•

Бывает ли синий заяц?

В детском саду № 36 в светлой комнате за столами сидят ребята. Белокурые, каштановые, черные головы склонились над бумагой. Потом — обсуждение. У рисунка Юли Пак собрался худсовет. Мнения разошлись лишь по одному принципиальному вопросу: может ли быть заяц синего цвета?

— В сказках может,— решает авторитетный консилиум.

Чуть поодаль наблюдает за ребятами их воспитательница Раиса Ивановна Коваленко. Ее мнение решающее, но она не вмешивается в ребячьи споры.

Четыре года назад переступили порог этого детсада малыши. С первых дней Раиса Ивановна учит их любить природу, уметь видеть, понимать и ценить прекрасное. Дети в этой группе рисуют. От первой геометрической фигуры — окружности, из которой, если подрисовать уши и глаза, получается забавный человечек,— до ансамбля на площади Регистан — вот путь шести-семилетних художников.

Эти рисунки демонстрировались на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Тема рисунков — «Памятники старины Самарканда».

А затем произведения юных самаркандцев совершили путешествие за океан, в США, на выставку детского рисунка.

Недавно в детский сад пришла бандероль из Москвы. В ней — бронзовая медаль ВДНХ, которой награждена воспитательница детсада Р. И. Коваленко, и заказ-задание ВДНХ: «Самарканд — глазами детей» и «Дары осени».

Заказ есть заказ. Его надо выполнять. И вот уже вся группа успела побывать на хлопковых полях колхоза имени Энгельса. Сделаны первые эскизы. Один из них перед вами. Света Мясоутова в свои шесть лет успела многое уловить в трудовой симфонии хлопкоробов.

Л. КОСУНСКИЙ

Самарканд.

К 80-летию Надежды Андреевны Обуховой

Фото Ал. Лесса.

Было это в суровое время начала войны. Москва, непоколебимая, гордая, одетая в маскировку, с сигналами тревоги по ночам, жила жизнью воина.

Надежда Андреевна не покидала великой столицы, продолжала петь в Большом театре, выезжала в госпитали.

Я помню этот зимний день и волнение, с которым рассказывала Н. А. Обухова о том, как в эту пору она еще глубже поняла, что такое русская женщина.

Строки, которые вы прочитаете, были написаны для передачи по радио, по каналам Советского информбюро.

Публикуется впервые.

М. Александров

ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Когда меня спрашивают о том, какие партии в моем репертуаре певицы творчески мне наиболее близки, я отвечаю, не задумываясь: люблю петь в русских операх, работать над образом, душевно мне родным в искусстве,—образом русской женщины.

Это не значит, конечно, что я равнодушна к величайшим художественным достоинствам — драматическим и вокальным — таких блестящих партий классического репертуара меццо-сопрано, как Кармен («Кармен» Бизе), Далилы («Самсон и Далила» Сен-Санса) или Амнерис («Аида» Верди). Я с наслаждением пою эти партии и за годы своей деятельности на сцене Большого театра в Москве и на концертной эстраде исполняла их буквально сотни раз.

Но предпочтение все же отдаю родному мне искусству, и симпатичнее мне всех иных тип русской женщины во всем обаянии духовной красоты.

Думается мне, не малую здесь роль играет мое раннее страстное увлечение русской классической литературой и прежде всего бессмертным творением Александра Пушкина, его «Евгением Онегиным». Образ Татьяны — русской девушки, воспетой поэтом, стал для меня синонимом всего светлого и чистого, что есть в любящем сердце женщины, олицетворением глубоких нравственных качеств, милой мечтательности, столь свойственной простым, нетронутым душам.

Образ этот необыкновенно популярен в русском народе. Когда хотят сказать особенно ласково и тепло о девушке, говорят, она похожа на пушкинскую Таню, и всем понятно, что девушка эта действительно хороша!

В русской опере образ русской женщины получил широкое выражение. В моем личном репертуаре есть партии, различнейшие по характеру,— от трагического образа раскольницы Марфы («Хованщина» М. Мусоргского) до образа нежной матери Весны («Снегурочка» Н. Римского-Корсакова).

Роль Марфы моя любимая. Она проникнута силой, огнем, живой страстностью и в то же время сурова, глубока и серьезна. Мелодии ее песен, напоминающие русские протяжные народные песни, льются широко и свободно, полны обаяния женственности.

Любаша в опере Римского-Корсакова «Царская невеста»—также необычайно трагический образ русской женщины, отвергнутой любимым человеком и умирающей, любя, от его руки.

Партия Любавы (опера-былина «Садко» Н. Римского-Корсакова), жены мечтателя, гусляра Садко, проникнута теплом и сердечностью. Верная жена, верный друг, она олицетворяет собою тип русской женщины, способной перенести все невзгоды, ждать терпеливо и долго во имя своей святой любви к близкому, любимому человеку.

Образ Весны (опера-сказка «Снегурочка» Н. Римского-Корсакова на сюжет весенней сказки Александра Островского) — матери русской девушки Снегурочки — один из самых поэтических в русском музыкальном искусстве. Великая любовь к родной природе, цветущей и животворящей, вдохновляла создателей прекрасного сказочного образа, близкого каждому русскому человеку.

Образ русской женщины в русском искусстве многогранен и велик. И много, много вдохновенных страниц посвятили русской женщине поэты и музыканты всех времен. Но мне хочется сказать о другом, о том, чему мы все стали свидетелями в дни, переживаемые нами,— о русской женщине в Великой Отечественной войне.

Недавно я выступала в военном госпитале, где находились на излечении раненые воины. Я пела романсы композиторов прошлого — Варламова, Дмитриева, Гурилева. День был солнечный и морозный, в палате для выздоравливающих, где я пела, было чисто и тепло; молодые лица слушателей, храня следы пережитых тяжелых страданий, сейчас улыбались мне не широко еще, но ясной, удивительно милой улыбкой. После концерта я долго разговаривала с бойцами. Они рассказывали мне о себе, о своих боевых товарищах, о своих надеждах рассчитаться с врагом после выздоровления за свои раны. Молодая девушка с коротко остриженными волосами под белой косынкой, худенькая и большеглазая, похожая на подростка, по просьбе всех присутствующих рассказала о том, как ей удалось вынести из боя несколько десятков тяжело раненных бойцов. Она говорила об этом скромно, явно смущенная общим вниманием, стараясь представить все в таком виде, словно ровно ничего особенного ею сделано не было и что любая девушка способна в любую минуту повторить то же самое, если нужно.

— Вот Зоя Космодемьянская — партизанка,— сказала она,— это правда замечательная девушка. Это настоящая героиня!

И на минуту наступила тишина в палате госпиталя. Такая глубокая тишина, что стали слышны голоса и смех детей, игравших где-то неподалеку. В глазах бойцов я увидела затаенную грусть, пропали улыбки, и суровые складки легли у рта. Я знала, что каждый из них представляет себе в этот миг темное русское село, русскую хату, занятую немецкими офицерами, и среди них, жестоких, злых, беспощадных,— светлый образ тоненькой русской девушки, московской школьницы Зои, под ударами, с гордо поднятой головой бросающей: «Не скажу!» — своим мучителям.

Она не сказала им даже своего имени, она назвалась Татьяной, русской Таней, и с этим именем умерла.

...Не буду скрывать, я едва сдержала слезы. Я женщина и мать, и образ родной нашей девушки, загубленной немцами в селе Петрищеве под Москвой, бесконечно мне дорог. Она была верной дочерью своего народа, и она отдала ему в тяжелое время свою жизнь. Образ ее теперь бессмертен в сердце каждого русского человека наряду с именами величайших героев русской истории.

Таков образ русской женщины в дни Великой Отечественной войны, и, я знаю, придет время, когда поэты и музыканты создадут о нем вдохновенные поэмы и симфонии, и русские люди на своей свободной земле будут, слушая их, учиться любить свою Родину так, как любила ее простая девушка Таня, московская школьница наших дней.

Народная артистка Союза ССР
Н. ОБУХОВА

ФИНИШ СПОРТ

ХОЗЯЙКИ ХОЛ

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Опустела прославленная лыжная арена Холменколлена с его холмами, поросшими лесами, с его горными долинами, и только на трассе гонок, проложенных для лучших лыжников мира, до самой весны будут скользить норвежские ребята, воображающие себя то Эггеном, то Мянтюрантой, то Тиайненом.

27 февраля был последний день мирового первенства. Заключительное слово было предоставлено лыжницам. Они шли в эстафете 3 × 5 км. Правда, когда последние гонщицы пересекли финишную черту, разыграли свои медали прыгуны, но прыжки — это всегда чемпионат в чемпионате, так же, как и двоеборье.

Вспоминая о Холменколлене, прежде всего видишь несущихся по пушистым норвежским дорогам лучших лыжников мира, их удивительно свободные, широкие движения, словно не требующие от них никаких силовых затрат. Увы, в искусстве неутомимого бега по снегу мы не приблизились к монополистам — финнам, норвежцам и шведам. Впрочем, и Скандинавия, в свою очередь, не приблизилась к классу наших замечательных гонщиц. Наши спортсменки убедительно доказали, что являются подлинными хозяйками Холменколлена.

А что же произошло с нашими лыжниками? Все это уже было. Мы уже видели такую мужскую гонку. Это уже было на Белой олимпиаде в Скво Вэлли в 1960 году. Тогда в США Шелюхин так же, как и теперь в Норвегии Утробин, подвел свою команду. Так же, как и в Скво Вэлли, в Холменколлене раздавались голоса, возражающие против кандидатуры лыжника на первом этапе эстафеты. Все указывало на то, что Утробин так же далек от своей боевой формы сейчас, как был далек от своей боевой формы Шелюхин. Но Утробина все-таки поставили на ключевой первый этап, и он пропустил вперед восемь гонщиков, поставив своих товарищей перед неразрешимой задачей. Такое же положение сложилось на эстафете Белой олимпиады в США, но, увы, на этом сходство двух эстафет кончается. В США товарищи Шелюхина нашли в себе силы наверстать упущенное и вывели свою команду на третье призовое место, а в Холменколлене Акентьев, шедший на последнем этапе, не только не поддержал усилия Веденина и Наседкина, но, взяв старт уже четвертым, пропустил вперед шведа и финишировал лишь пятым. Такой же обидный тактический промах повторили наши тренеры, включив в команду, вопреки всему, гонщика, который не имел на это никаких оснований. Выступления Акентьева в гонке на 15 километров показали, что этот сильный молодой спортсмен находится в какой-то волевой прострации. Как же можно было ставить его на последний этап? Тут есть над чем подумать. Видимо, речь должна идти не только о правильном подборе в сборную команду гонщиков, но и о таком же праве подбора тренеров. Так или иначе, но наша эстафетная команда, конечно, вполне могла быть третьей вместо итальянцев, если бы Акентьев не выпустил вперед шведа и не примирился бы с пятым местом. Еще никогда мы не выступали так неудачно в эстафетном беге, и это тем более обидно, что в команде есть молодые лыжники, которые вполне могут рассчитывать на успех.

Нельзя не призадуматься над выступлением Вячеслава Веденина в гонке на 50 километров. Ну кто бы мог предполагать, что лыжник,

ИВНОЙ ЗИМЫ

МЕНКОЛЛЕНА

показавший восьмой результат на дистанции 15 километров, после огромных усилий, потраченных им в эстафете, заставит всех два с половиной часа говорить о себе в гонке на 50 километров?

Да, до 44-го километра молодой советский лыжник был неизменным лидером в этой трудной гонке, и казалось, что никто уже не сможет отнять у него золотую медаль. А на самом последнем подъеме наступил спад, были исчерпаны все силы, и молодой норвежец Эгген, которого Веденин до этого обошел, ведя борьбу с тремя финнами, вырвался вперед и победил всех. Веденин финишировал лишь шестым. Если бы Веденина ориентировали не на финнов, а на удачливого норвежца, уже победившего на 15-километровой трассе, тогда все могло бы сложиться иначе. Конечно, для этого надо было быть провидцем: ведь Эгген до 35-го километра показывал лишь шестое время. Но вот предвидеть, что погода повернет на мороз и учесть это при смазке лыж, как сделали норвежцы, было вполне возможно. Ведь именно на последнем подъеме лыжи Веденина, скользящие все хуже и хуже, отобрали у него последние силы.

Так, дважды Веденин должен был испить горечь разочарования, хотя восьмое и шестое места дебютанта мирового первенства вполне почетны. Надо надеяться, что Веденин проявит такую же волевую стойкость, как Рита Ачкина. Эта лыжница по праву заняла место на пьедестале почета с Алевтиной Колчиной, победительницей гонки на 5 километров, и Клавдией Боярских. Вместе с ними она успешно выступила и в эстафете 3 × 5 км. А ведь путь Риты Ачкиной к золотой медали чемпионки мира был очень тяжел. Она впервые вошла в сборную команду еще в 1957 году, но своего крупного успеха добилась лишь в нынешнем. Восхищает огромное волевое упорство такой несильной на вид, худенькой женщины. И, поздравив ее с золотой медалью после финиша эстафеты, я решил именно ее спросить об этом, как она оценивает неудачи своих товарищей-гонщиков.

— А я другого результата от них и не ждала,— сказала мне Рита Ачкина.— Я ведь наблюдаю их каждый день. Они мало стоят на лыжах и много думают о лыжах. Так не победишь. Честное слово, порой мне кажется, что мы тренируемся больше мужчин и проходим не меньше, чем они, километров.

Об этих словах Риты Ачкиной стоит подумать. И, может быть, если бы мужчины наши тренировались так же упорно, как женщины, у Веденина хватило бы сил для того, чтобы довести до конца почти выигранную гонку. Ведь молодой норвежец Эгген, ровесник Веденина, еще прошлой зимой никому не был известен.

Две страны — ФРГ и Чехословакия — оспаривают друг у друга право принимать участников мирового первенства в 1970 году. Но еще до этого состоится новая встреча сильнейших гонщиков мира на Белой олимпиаде. И как бы хотелось нам в Гренобле поздравить с победой не только Клавдию Боярских, Алевтину Колчину (я верю, что эта 36-летняя спортсменка сохранит до Гренобля свои силы), не только Риту Ачкину, но и Вячеслава Веденина, Анатолия Наседкина, Анатолия Акентьева и других молодых спортсменов. А пока со смешанным чувством удовлетворения и разочарования покидаем мы Осло, огорченные результатами наших мужчин и гордые победами наших гонщиц, ставших подлинными хозяйками Холменколлена.

Осло.
По телефону.

Осло. Советские спортсменки — победительницы в гонке на 5 километров. Рита Ачкина (III место), Алевтина Колчина (I место), Клавдия Боярских (II место).

Телефото Б. Ун Да-сина (ТАСС).

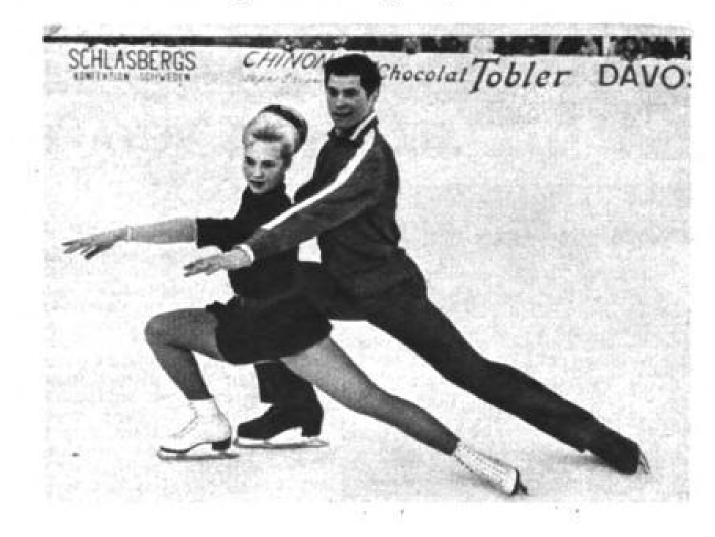
Золотой дуэт — Людмила Белоусова и Олег Протопопов.

КОСМИЧЕСКИЕ ЧЕМПИОНЫ

Давос. Космическими чемпионами назвали спортивные газеты золотой дуэт — Людмилу Белоусову и Олега Протопопова.

Вновь они стали сильнейшими в соревновании лучших фигуристов мира. Их основными соперниками в парном катании были молодые соотечественники Татьяна Жук и Александр Горелик, совсем немного уступившие в мастерстве прославленным чемпионам.

Серебряные призеры чемпионата фигуристов Татьяна Жук и Александр Горелик.

Первый в мире

Москва. Мировой чемпионат по мотогонкам на ледяной дорожке проводился впервые в истории спорта.

Первым чемпионом мира стал советский спортсмен из Уфы Г. Кадыров, серебряным призером — москвич В. Кузнецов.

В шестерке лучших оказались пятеро наших гонщиков. Отлично выступали спортсмены Чехословакии, бронзовым призером чемпионата стал А. Шваб.

Габдрахман Кадыров. ▶

В Свердловске состоялось торжественное открытие «Белого фестиваля» — II зимней Спартакиады народов СССР.

Телефото ТАСС.

«ЛИТОВСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Предусмотреть развитие приборостроительной, электротехнической, радиотехнической, электронной, станкостроительной, а также химической, пищевой, рыбной и легкой промышленности».

Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

КОГДА РОЖДАЮТСЯ ФАБРИКИ

Это высокое здание из стекла и бетона хорошо знакомо многим жителям Каунаса. В нем размещен Литовский институт проектирования промышленного строительства.

В институте закончена разработка проектов крупного хлопчатобумажного комбината в городе Алитус, нового цеха трикотажной фабрики «Верпстас» в Шяуляе.

У проектировщиков много заказов: цех шерстоткацкой фабрики «Литаксас», реконструкция чугунолитейного завода в Петрашюнае, крупный промышленный узел в Каунасе...

На снимке: Институт промышленного проектирования.

•

СТИЛЬ ЭПОХ

Когда приезжаешь в Вильнюс, кажется, будто попал в огромный музей под открытым небом. Часами без устали бродишь по узеньким улочкам и широким площадям, любуясь памятниками старины и великолепными современными зданиями. Но чтобы лучше понять этот необыкновенный город, стоит взглянуть на него с замковой башни горы Гедимина. Отсюда как-то отчетливее видишь, сколь органически переплетаются новое и старое, создавая цельный, гармоничный рисунок.

Видимо, поэтому архитекторы составили не один, а два генеральных плана развития столицы: один — реконструкции старых кварталов, бережного сохранения и реставрации памятников древности, второй — новой застройки города.

Новый Вильнюс в основном будет развиваться на правом берегу Нерис. В прошлом зодчие незаслуженно обошли мать литовских рек. Генплан исправляет эту ошибку. Нерис станет главной коммуникационной осью, вокруг которой будет расти столица. Со временем река оденется в гранит и окажется в самом центре Вильнюса.

Главный архитектор института, проектирующего город, Витаутас Бальчюнас рассказывает:

— На правом берегу Нерис возникнет один из красивейших районов Вильнюса. Используя природный ландшафт — лесные массивы, холмистые рельефы, речные берега,— строители создадут несколько микрорайонов. Жилые дома будут сооружаться вблизи мест отдыха. В этом районе поселится треть населения столицы. В новых застройках предусмотрено широкое использование декоративной живописи, скульптуры, знаменитых литовских витражей.

Уже сегодня строители шагнули на правый берег Нерис.

НЕ КВАРТИРА — МУЗЕЙ

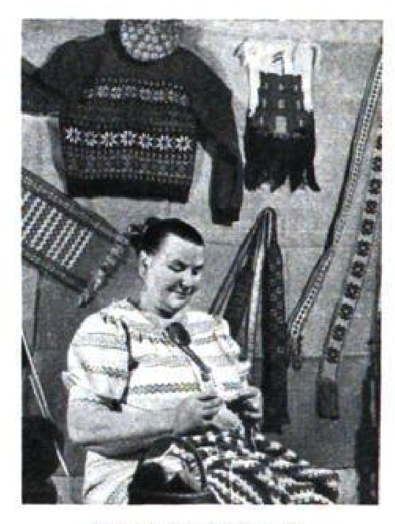
Дверь открыла приветливая немолодая женщина.

— Я и есть Елена Бабравичине, проходите, пожалуйста, в квартиру.

Вот так квартира! Это скорее музей.

В застекленных шкафах, на подоконниках, на столах, стульях, диванах — множество высокохудожественных изделий: деревянные пуговицы, янтарные ожерелья, браслеты, льняные скатерти, пояса, расшитые узорами, на льняных полотнищах — литовские пейзажи, декоративные вазочки из керамики...

— Не все, не все здесь,— го-

Елена Бабравичине.

Эстафета столиц

НАЧАЛО СМ. НА СТР. 5

ВИЛЬНЮС • ТАШКЕНТ •

«УЗБЕКСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Обеспечить дальнейший подъем хлопководства, учитывая, что Узбекистан был и остается основной хлопковой базой СССР, развитие цветной металлургии, газовой, химической, легкой и пищевой промышленности».

Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

ГОРОД ТЯНЕТСЯ К СОЛНЦУ

Ташкенту чуть не две тысячи лет, но моложе его, пожалуй, трудно найти в Средней Азии. Даже район Старого города с его узенькими улочками, с глинобитными дувалами и крохотными плоскокрышими домиками со всех сторон обступили кварталы новых зданий, окружили железным кольцом подъемные краны. Там, где еще сравнительно недавно нельзя было разъехаться двум повозкам, сейчас возводится новое здание Театра драмы имени Хамзы и крупнейшего в среднеазиатских республиках цирка. С юга наступают на Старый город микрорайоны Чиланзара, где уже живет свыше ста тысяч человек, с севера — студенческий городок, куда в самом близком будущем перейдут университет и политехнический институт.

Ташкент — зеленый город, но скоро здесь появятся еще 250 тысяч деревьев и почти такое же количество кустарников. Горожане высадят около восьмисот тысяч растений для живых изгородей и почти десять миллионов цветов.

Меняется силуэт узбекской столицы. Начато строительство антисейсмических высотных зданий. Город тянется к солнцу, а солнце здесь щедрое.

На снимке: Ташкент вечером.

В СТЕПИ С УСТАРЕВШИМ НАЗВАНИЕМ

Далекий, тревожный, трудный и незабываемый тысяча девятьсот восемнадцатый год. Голод, разруха. На окраине России еще властвуют эмиры и ханы. А в Москве Владимир Ильич ставит свою подпись под декретом об освоении пустынной Голодной степи, об ассигнованиях на оросительные работы в Туркестане. Ленин, глядевший далеко вперед, видел этот край цветущим и изобильным.

...В канун XXIII съезда Коммунистической партии я побывал в ташкентском институте «Средазгипроводхлопок», в институте, который занимается многими проблемами освоения Голодной степи. Рассматриваю чертежи, рисунки, фотографии, макеты и вспоминаю ленинский декрет.

«Листаю» города, поселки с необыкновенно красивыми домами, улицами, скверами, синие набухшие влагой каналы, бескрайние хлопковые поля, кварталы новых двухэтажных домов в зелени садов и парков...

...Экспериментальный жилой квартал совхоза № 18. Пред-

ворит мастерица.— В войну многое уничтожила. Не хотела, чтобы фашистским оккупантам досталось.

Елена Феликсовна Бабравичине из скромности умолчала, сколько ее работ хранится в разных городах мира — Париже, Гаване, Варшаве, Лондоне, Бухаресте, Дели, Нью-Йорке, в музеях нашей страны. Почти полвека Елена Феликсовна отдала любимому искусству.

Прощаясь с гостеприимной хозяйкой, мы заметили, как на большом столе из-под льняного покрывала проглядывал красочный рисунок.

— Извините,— сказала Елена Феликсовна,— это пока никому не показываю, в секрете держу. Хочу закончить работу к открытию съезда партии.

ВСЕ ТУТ МОЛОДО

Биография у Каунасского завода искусственного волокна совсем коротенькая, он только что вступил в строй. Все здесь молодо: и цехи, и оборудование, и сами рабочие.

Первая продукция уже отправлена в разные города. Одним из ее потребителей стала местная фабрика «Кауно-Аудиняй». Из искусственного волокна здесь изготовили ткани различных оттенков и рисунков. Ткани элегантные, легкие, они не мнутся и легко пропускают ультрафиолетовые лучи. В такой одежде можно и загорать.

В нынешнем году завод выпустит столько волокна, что из него можно изготовить 30 миллионов метров искусственного шелка и штапеля. А когда вступит в строй весь комплекс технологического оборудования, Каунасский завод станет крупнейшим в Европе.

На снимке: подруги Лина Лоскаускене и Альбина Статкявичене работают на каунасском заводе.

•

ОДНОФАМИЛЬЦЫ? НЕТ, ОДНА СЕМЬЯ

Посмотрите на афиши: симфоническим оркестром дирижирует Маргарита Дварионайте, в концертах выступают скрипач Юргис Дварионас, пианистка Алдона Дварионайте...

Однофамильцы? Нет! Одна семья. Глава ее — народный артист СССР, профессор Вильнюсской консерватории Балис Дварионас.

Балису было пять лет, когда он сел за фортепьяно. В десять лет он уже играл в оркестре. Но нелегко было ему в буржуазной Литве стать профессиональным музыкантом. Много лет труда потребовалось, пока удалось сколотить симфонический оркестр из безработных музыкантов.

...Более четверти века преподает в Вильнюсской консерватории по классу фортепьяно жена Балиса — Алдона Антоновна. Ее питомцы удостаивались почетных званий на многих смотрах. Недавно в музыкальную школу имени Чюрлениса вернулся воспитанник Московской консерватории Юргис Дварионас. Теперь он преподает в тех же классах, где некогда учился сам. Юргис часто выступает в концертах, готовится в аспирантуру.

В Московской консерватории училась и сестра Юргиса — Алдона. Она стала педагогом, выступает в концертах и учится в заочной аспирантуре.

Любители симфонической музыки не пропускают концертов, когда дирижирует Маргарита Дварионайте. Высшее образование Дварионайте получила в Ленинградской консерватории.

На снимке: после репетиции. Балис Дварионас, его сын Юргис, дочь Алдона и жена Алдона Антоновна.

Материалы, посвященные Литве, подготовили местные журналисты А. Андрекус, А. Барисас, Л. Руйкас, Г. Таранович, И. Фишерис и корреспондент «Огонька» К. Черевков.

съездовский подарок большого коллектива сотрудников института и строителей. Еще не прошло и года с тех пор, когда среди пустынных, голых полей были заложены фундаменты первых домов.

Мы идем мимо двухэтажных белых зданий. Дома выполнены, как выражаются строители, в двух уровнях. Это значит, что каждая семья занимает квартиру на двух этажах. Удобное расположение комнат, электричество, газ, горячая вода. Все к услугам хлопкоробов, приезжающих осваивать целинные земли Голодной степи.

Дома в экспериментальном квартале рассчитаны на две и четыре семьи. Рядом приусадебные участки, хозяйственные постройки.

В этих домах живут 600 целинников. Пройдет менее года — их будет 6 тысяч. Строители трудятся не покладая рук. Школа почти на тысячу учащихся, два детских сада, широкоэкранный кинотеатр, клуб, библиотека, телеграф, магазин, баня, столовая, больница... И, конечно, сотни красивых, удобных жилых зданий. Таким будет совхоз № 18, один из обычных совхозов Голодной степи, степи с устаревшим названием.

На снимке: новоселы Голодной степи.

•

САМОЕ ЮЖНОЕ ПОЛЕ...

Как только пригрело солнце, на поля Узбекистана вышли тысячи машин. Первую весну пятилетки люди встречают в поле. Мастера урожаев готовят плантации под хлопчатник, сеют зерно и травы. Почти одиннадцать тысяч тонн овощей и картофеля рассчитывает собрать осенью коллектив совхоза «Ташкент». Механизаторы сажают картофель, высевают лук.

Фото К. Разыкова (ТАСС).

Подарок к свадьбе

Недавно известный всему Узбекистану селекционер Сабир Шарипов подарил молодоженам новый сорт груши. Сорт этот так и называется «Свадебный подарок». Необыкновенно вкусные и сочные плоды весят почти полкилограмма, а созревают они осенью, как раз в то время, когда в народе празднуют свадьбы.

Пятнадцать замечательных сортов груш создал Сабир Шарипов. «Восток-II», «Салом», «Пахтакор» уже обильно плодоносят в садах Югославии, Польши, Индии. В нынешнем году саженцы нового сорта отправятся в страны Европы и Азии.

ТЕЗКА КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ

Кому в мире не знакомо простое и гордое слово «Восток»? Но, вероятно, мало кто знает, что, когда Юрий Гагарин впервые вошел в пилотскую кабину «Востока», в Ташкенте, в тиши конструкторских бюро, рождалась машина — тезка космического корабля.

Ташкентский «Восток» — детище Центрального научно-исследовательского института хлопчатобумажной промышленности и завода «Таштекстильмаш». Эта текстильная машина впервые в мировой практике заменила работу сразу четырех мощных агрегатов. Все операции превращения ровницы в пряжу совмещены в одном механизме. «Восток» в полтора раза сократил затраты труда, энергии и производственной площади.

Конструкторы и коллектив завода изготовляют сейчас усовершенствованную модель машины. Теперь она будет совмещать работу уже не четырех, а пяти сложных агрегатов! Может быть, и наши космонавты станут носить одежду, изготовленную из пряжи ташкентского «Востока».

Опубликованные на этих страницах материалы, посвященные Узбекистану, готовили местные журналисты А. Аулов, В. Сваричевский и корреспонденты «Огонька» А. Гостев и Ю. Сбитнев.

Как жена мужа на разум наставляла

Михайло ЛАЗАРЕНКО

В одном селе жили муж и жена. Муж тот был не простой, а руководящий работник. И жена у него была на редкость красивая и умная.

Жили они всегда в мире и согласии, как голубь с голубкой. Он ее словно малютку на руках носил. Она хотя и не носила его на руках, но старалась создать в доме такую атмосферу, чтобы мужу лучше работалось.

Когда бы ни приходил с работы Тимофей — так того руководящего работника звали,— в доме всегда было прибрано, дети накормлены, принаряжены, а его на столе ждал вкусный обед.

— Как это у тебя, женушка, так организованно выходит?— дивился Тимофей.— Я волчком кручусь, с собраний и заседаний не вылажу. За день так накричишься, аж охрипнешь. И что же ты думаешь? Нет перелома. Целую зиму собрания проводил, давал указания: активизируйтесь, готовьтесь к весне. Разослал уполномоченных на участки, кому следует гайку подкрутил. Пришла весна — прорыв. Не подготовились. В чем тут закавыка?

Вот так печалился не раз Тимофей возле миски с варениками. После вкусного обеда отдохнет он немного — и с новыми силами в колхоз.

Но однажды, придя с работы, Тимофей увидел, что в доме не прибрано и не топлено.

— Что случилось?— обратился он к жене.— Давай объяснения.

— А ты думаешь, Тимофей, так легко приготовить обед, когда нет на это соответствующего решения? Давай, дорогой, соберем заседание. Я думаю, повестка дня должна быть такой: «Об улучшении приготовления обедов». Я буду председателем заседания, а ты пиши протокол. Докладчиком можно назначить тетку Агафью. Вынесем резолюцию. После этого прикрепи ко мне уполномоченного. Лозунг на кухне повесь: «Сварим обед досрочно!» Вот я и приготовлю тогда обед — пальчики оближешь!

Смотрит Тимофей и не может сообразить, что случилось с женой, словно кто подменил ее.

— Может, ты, Аксиньюшка, заболела, может, врача позвать?

— По поводу такого предложения никаких персональных указаний и решений не было.

— Какие же тебе решения нужны? Если в доме грязно, бери тряпку, ведро с водой — и шуруй полы.

— Так вот и давай! А может, я не имею возможностей? Раскрой передо мной резервы!

— Аксиньюшка! Прячешься за объективные причины. Вот мы вызовем тебя на заседание да так всыплем, так подкрутим гайку, тогда не то запоешь! — распалился Тимофей, да сразу и осекся. Вспомнил: он же дома, а не в колхозе.

— Аксиньюшка, дорогая, что с тобой? Хоть детей накорми.

— Признаю критику, заверяю тебя, Тимофей, исправлюсь и непременно добьюсь перелома. Только вперед давай соберем заседание и наметим мероприятия по культурно-бытовому обслуживанию детей.

Тимофей остолбенел. Страшная догадка пришла ему на ум: свихнулась, с ума сошла жена. Холодный пот густо покрыл его лицо. Язык стал заплетаться.

— Так, так, Аксиньюшка, проведем заседание и на... наметим мероприятия. Только вот дай я оде... оденусь.

— Да нет, Тимофей, постой, нужно же обед варить, а указаний никаких не поступало. Открывай заседание,— ухватила она мужа за полушубок.

Тимофей аж присел с перепугу да как закричит:

— Спасайте, люди добрые! Жена с ума сошла!

Выбежал он на улицу, а навстречу ему тетка Агафья. Он кинулся к ней.

— Соседушка, голубушка, посоветуйте: что делать? Великое горе у меня! Аксинья с ума сошла! Про заседания какие-то говорит.

Тетка Агафья понимающе покачала головой, едва сдерживая улыбку.

— А я собралась к вам на семейное заседание. Аксинья меня приглашала.

— Заседания на дому? Да что вы, с ума сошли?

Схватился за голову Тимофей. Наконец-то дошло. Так вот какую шутку с ним устроила Аксинья, вот какие методы подсказывает она для борьбы с излишними заседаниями. Вот так женушка! Ну как тут не прислушаться к ее голосу!

Перевел с украинского Василий СМИРНОВ.

ЗАБА

БЛИЗНЕЦЫ

Гуляя по подмосковному лесу, я набрел на оригинальное дерево. Верхняя часть его была словно отрублена. Видимо, здесь потрудилась молния. Но дерево не погибло — на его ветвях выросли две симпатичные елочки. Такое я увидел впервые.

В. КУЗЬМИН

ВМЕСТО КУКОЛ — АЛГЕБРА

Мейбл Томпсон научилась читать в возрасте 21 месяца. Когда девочке исполнилось 26 месяцев, она начала учиться писать. Но самое интересное то, что играм в куклы и прочим развлечениям маленькая англичанка предпочитает сейчас занятия алгеброй, тригонометрией и физикой.

Панировочные СУХАРИ

Из дневника пенсионера

Сергей ВОРОНИН

31 декабря. Себе купил спортивный календарь. Жене — календарь для женщин.

2 января. Совершенно разочарован в спортивном календаре. Все цифры, цифры, достижения и почти ничего о рыбалке. Жене ни гу-гу, но сам понимаю: деньги загублены зря.

3 января. От нечего делать стал листать календарь для женщин.

4, 5, 6, 7, 8 января. Удивительно полезный календарь. Правда, о рыбалке и здесь нет, но все окупается разнообразнейшим, нужным в быту материалом. Убежден, жена не знает многих вещей.

— Почему панировочные сухари вместо того, чтобы покрывать мясо или рыбу золотистой хрустящей корочкой, остаются на сковороде? — спросил я ее.

Ничего вразумительного она на этот вопрос не сказала.

— Так вот, запомни, чтобы было все как надо, нужно мясо или рыбу смазать взбитым яйцом и лишь после этого обкатать в сухарях.

Жена поглядела на меня удивленно.

9 января. Сегодня стирка. В белье я заметил шерстяные вещи.

— Почему ты не добавишь в воду чайную ложку нашатырного спирта?

— Это зачем еще? — нелюбезно ответила жена.

— Спирт вернет шерстяным вещам эластичность.

— Иди-ка, не мешай!

Я осуждающе посмотрел на нее и отошел. Читаю календарь дальше.

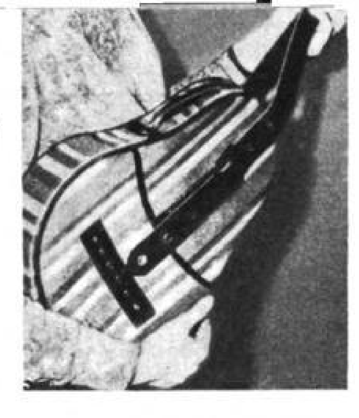
10 января. «Снежки» — сладкое блюдо для малышей. Оказалось, не только для малышей, но и для взрослых. Сделал «снежки», как было указано в календаре. Ел с удовольствием. Жене тоже понравились. Про себя выразил недоумение, почему за все прожитые вместе тридцать пять лет жена ни разу не угостила меня таким нежным блюдом.

11 января. Сегодня жена мыла полы. Посоветовал ей добавить в воду полстакана уксуса и две ложки нашатырного спирта.

— Еще чего? — повысила голос жена и посмотрела на меня с раздражением.

ВНЫЕ

МЕЛОЧИ

СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ

В один из дней конца августа прошлого года погода в районе города Советская Гавань была пасмурная и ветреная. Огромная птица снизилась к лодке, на дне которой лежала рыба. Здесь она была сбита. При осмотре птицы обнаружили кольцо, на котором значилось: № 747—66103 Washington, USA — Вашингтон, США. Кольцо вначале отправили в Москву, в бюро кольцевания, а затем — в США.

Как выяснилось, птица — малый фрегат — была окольцована 11 ноября 1964 года на острове Эндербери в Тихом океане. Обитатель тропического пояса залетел в Татарский пролив.

В. ДЕМЬЯНЮК,
биолог-охотовед

ТРОФЕЙ ОХОТНИКА

Африканский охотник из Мозамбика Антонио Перейра отправился на куропаток. Заметив на дереве птицу, он выстрелил и был ошеломлен: вместо куропатки к его ногам с дерева свалился удав длиной более пяти метров.

С ГИТАРОЙ ЗА ПОКУПКАМИ

Это не гитара, как покажется многим, а хозяйственная сумка, сделанная в Голландии.

СЛАДКИЙ МАКЕТ

Кондитер из Парижа Андре Барбье сделал торт в виде знаменитого индийского мавзолея Тадж Махал.

Между прочим, замечаю: как только пытаюсь подсказать ей разумные советы, она сразу же начинает грубить.

— Если ты сделаешь, как я советую, то пол приобретет приятный блеск,— как можно любезнее объяснил я.

— Ох, делать тебе нечего! — со вздохом сказала она.

12 января.

— Почему бы нам сегодня не сварить «зимний» борщ? — спросил я ее.

— Что еще за «зимний»?

— Ты не знаешь? — И я довольно быстро рассказал ей о составе и дозировке этого блюда.— Странно, что ты не знаешь таких простых вещей...

— Придираешься?

— Изумляюсь и убеждаюсь, что ты не знаешь многих рецептов и полезных советов, какие должна знать домашняя хозяйка. Вот, например, ты гладишь белье. Но посмотри, оно у тебя свалено в кучу, а вместе с тем если белье хорошо сложено, то оно уже почти наполовину выглажено.

— Отвяжись! Что тебе от меня надо?

Грубость, грубость на каждом шагу.

13 января. Сегодня был суровый, принципиальный разговор. Оказывается, по-настоящему вкусного мяса я никогда за все время семейной жизни не ел!

— Разве ты не знаешь, что жаркое будет вкуснее, если мясо за несколько часов до приготовления смазать горчицей? — в гневе спросил я, видя, как жена положила не обмазанное горчицей мясо на сковороду.

— Чего ты еще тут выдумываешь! — как всегда уже в таких случаях, грубо сказала жена.

— Не выдумываю, а будь любезна смазать мясо горчицей, и пусть оно полежит в таком виде несколько часов. Мне надоело есть невкусное мясо! Сколько ты его перепортила за тридцать пять лет совместной жизни!

Ну, конечно, крик...

14 января.

— Лук станет золотистого цвета и вкуснее, если при жарке ты посыплешь его сахарной пудрой,— посоветовал я жене, когда она чистила лук.— Между прочим, влажным чаем легко удаляется запах лука со сковороды.

— Слушай,— неожиданно набросилась на меня жена,— или ты перестанешь приставать ко мне с дурацкими разговорами, или я уйду из дому!

Зная ее характер, на время решил прекратить собеседования.

15 января. Удивительный календарь! Кладезь опыта и мудрости. Сегодня заинтересовался вязанием. Изумительное занятие! Вяжу жене шарфик.

16 января. Сам приготовил горчицу на молоке. Оказывается, если сделать ее на молоке, то она дольше сохраняется.

17 января. Сам приготовил салат «фантазия». Жена осталась довольна.

18 января. Сам приготовил жареный хлеб с сахаром и корицей. Ел с удовольствием. Жена тоже.

19 января. Думаю завтра закончить шарф. В перерыве между вязанием сварил «зимний» борщ. Жена ласковая.

20 января. Шарф получился женский. Взял себе.

21 января. Гладил юбку, как указано в календаре,— сначала у пояса. Потом близко расположенные складки. Живем дружно. Кладезь, кладезь!

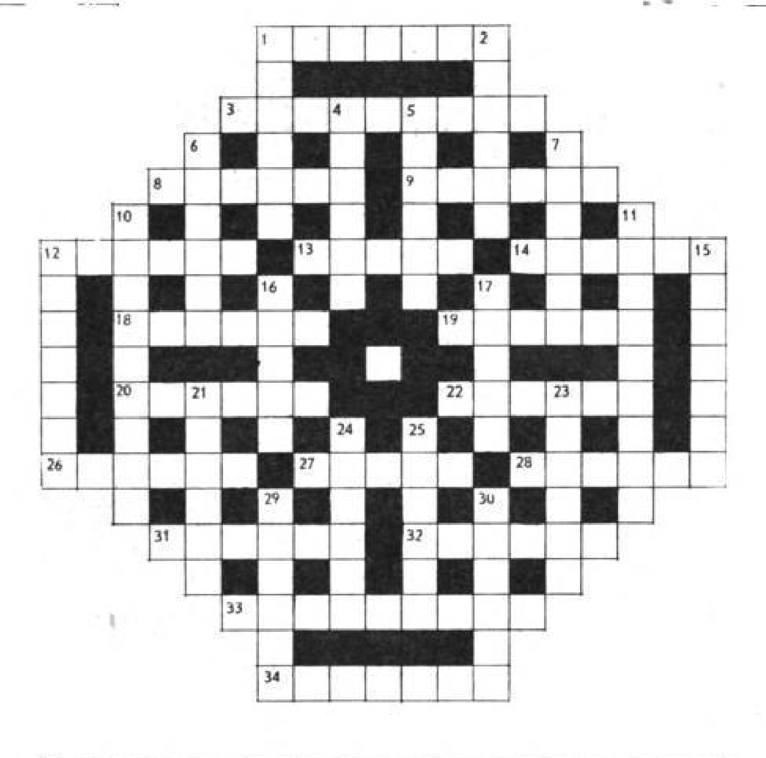
22 января. Приготовил голубцы с белыми грибами. Очень вкусно! Жена поцеловала меня.

23 января. Впервые работал в женском переднике. Очень удобная вещь!

24 января. Никогда не предполагал, до чего же интересная теперь будет у меня жизнь! Сколько увлекательного в домашнем женском труде! День пролетает, как мгновение. Даже не успеваю вести дневник...

19 февраля. Сегодня я чистой тряпочкой, смоченной в уксусе, устраняла в кухне неприятный запах капусты.

Жена пошел за газетой...

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Роман Г. Флобера. 3. Гриб. 8. Французский живописец XIX века. 9. Модель земного шара. 12. Электрический разряд между облаками и землей. 13. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 14. Река в Вологодской области. 18. Скульптурное изображение. 19. Эластичный материал. 20. Яркая звезда северного полушария неба. 22. Музыкальный интервал. 26. Серебристо-белый металл. 27. Сборник географических карт. 28. Покрывало для лошади. 31. Типографский шрифт. 32. Спутник планеты Нептун. 33. Порт в Норвегии. 34. Мягкая шероховатая кожа.

По вертикали:

1. Пьеса М. Горького. 2. Полный круг, совершаемый при вращении. 4. Разработанный план сооружения, постройки. 5. Соединительный элемент деревянных конструкций. 6. Сетчатка глаза. 7. Курорт на побережье Черного моря. 10. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 11. Аппарат для разделения на составные части смесей твердых и жидких тел. 12. Рупор для усиления человеческого голоса. 15. Пустыня в Чили. 16. Приток Амазонки. 17. Хищное животное семейства собак. 21. Конструктор авиационных двигателей. 23. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 24. Руководитель эстрадного оркестра, народный артист СССР. 25. Старинная мужская одежда. 29. Охотничья сумка. 30. Балет А. Адана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

6. Кибернетика. 8. Зуева. 10. Байрон. 11. Эталон. 14. Гондола. 16. Апуре. 17. Раскова. 19. Зонгулдак. 20. Гониометр. 22. Пеликан. 24. Озеро. 25. Варенец. 26. Домбра. 27. Статья. 28. Шланг. 30. Аспирантура.

По вертикали:

1. Симеиз. 2. Куртка. 3. Мингечаур. 4. Вискоза. 5. Экватор. 7. Майданников. 9. Воскресенье. 12. Казачок. 13. Ледокол. 15. Лаура. 18. Айова. 21. Кербабаев. 23. Нарцисс. 25. Вытегра. 28. Шпинат. 29. Готика.

На первой странице обложки: Роза Стеблева — помощник мастера Камышинского текстильного комбината.
Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: На берегу Иртыша.
Фото Д. Ухтомского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10544. Подписано к печати 2/III 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л.
Заказ № 547. Тираж 2 000 000. Изд. № 244.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПОЧЕМУ КОЛЯ ОПОЗДАЛ В ШКОЛУ?

Фотошутка
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Потому, что по дороге встретил знакомого...

попробовал эскимо...

гонял шайбу...

беседовал с милицией...

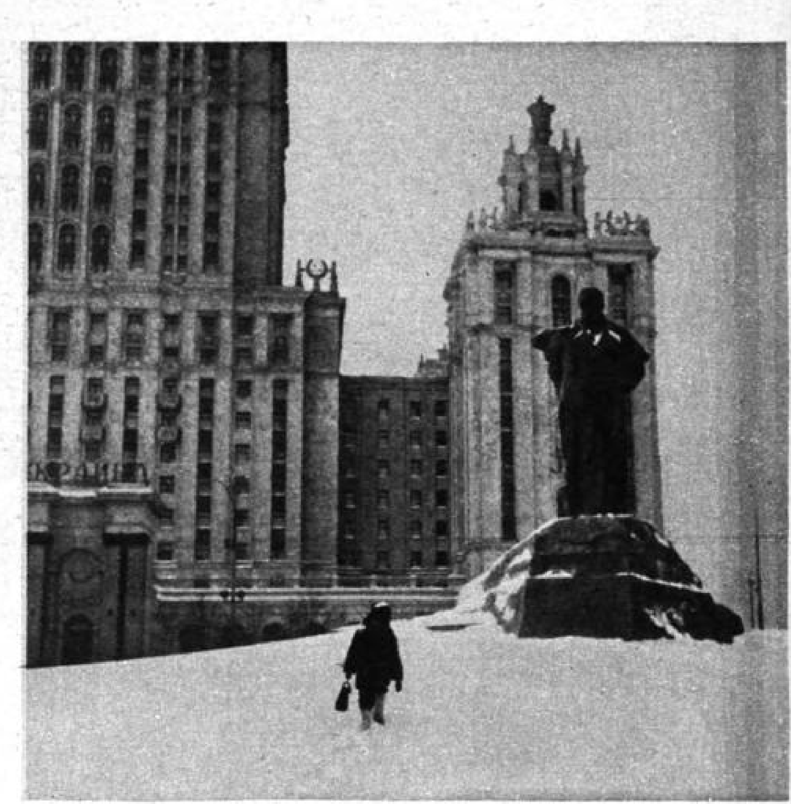
руководил уборкой снега...

убедился, что Москва-река
все еще покрыта льдом...

осмотрел все витрины...

ходил к памятнику...

...а урок уже начался.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663